

ДАНИЭЛА СТИЛ

Может ли жизнь быть идеальной?

ИДЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Великолепная Даниэла Стил

Даниэла Стил

Идеальная жизнь

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Стил Д.

Идеальная жизнь / Д. Стил — «Эксмо», 2014 — (Великолепная Даниэла Стил)

ISBN 978-5-04-163979-2

Блейз Маккарти – замечательная мать и популярная тележурналистка. Ее красоте и таланту завидуют многие женщины, а мужчины сходят с ума от любви к ней. И никто не подозревает, что долгие годы Блейз скрывает страшную тайну от глаз любопытных соседей. Но однажды ее жизнь выходит из-под контроля... Страх разоблачения, угроза увольнения и ссора с дочерью выбивают почву из-под ног Блейз. Некогда идеальный мир теперь кажется ей невыносимым. Сможет ли Блейз вернуть гармонию и покой в свою жизнь и семью?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-163979-2

© Стил Д., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Даниэла Стил

Идеальная жизнь

Моим любимым детям Битти, Тревору, Тодду, Сэму, Виктории, Ванессе, Максу и Заре посвящается. Пусть ваша жизнь всегда будет близка к совершенству, пусть она будет такой, какой вы хотите. Пусть все ваши мечты сбудутся и пусть на вашем жизненном пути вам встретится много чудес, больших и малых.

Посвящается также моему дорогому Никки. Надеюсь, что теперь твой мир будет спокойным и совершенным.

Крепко люблю вас всех.

Ваша мама Д.С.

Любовь не имеет возраста.

Истинная любовь подобна особому языку.

Вы или говорите на нем, или нет.

Лалех Шахидех (LALEH SHAHIDEH)

Danielle Steel

A PERFECT LIFE

Copyright © 2014 by Danielle Steel

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»»,

2015

Глава 1

Толпы студентов начали стекаться к актовому залу Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе за час до открытия дверей и за два часа до того, как там должен был выступить конгрессмен Патрик Олден. Конгрессмена пригласил некий шустрый профессор, читавший курс теории и практики государственной службы студентам младших и старших курсов.

Как только Олден принял приглашение, профессор оповестил всех студентов, изучавших политологию. Ожидалось, что лекционная аудитория будет забита под завязку: встреча с конгрессменом соберет не менее двух тысяч человек. Судя же по количеству тех, что толпились в ожидании, когда наконец откроются двери, желающих оказалось гораздо больше. Что неудивительно. Олден был известен своими либеральными взглядами. Он отстаивал права меньшинств и женщин и сочувственно относился к проблемам как юных, так и пожилых граждан страны. У него самого было четверо детей. Женатый на подруге детства, он пользовался всеобщей симпатией. Студентам не терпелось услышать его речь, которая вот-вот прозвучит в стенах университета.

Наконец двери распахнулись, и толпа обрела некую упорядоченность. Стоял погожий октябрьский день, теплый и солнечный. Выступление Олдена было назначено на одиннадцать часов утра. По окончании лекции предполагалось общение студентов с докладчиком в виде ответов на вопросы. Визит конгрессмена в университет завершал ленч с ректором, после чего гость должен был улететь на самолете обратно в Вашингтон.

Заполучить такого лектора было редкой удачей. Никакого важного мероприятия, вроде юбилея или выпуска на юридическом факультете, в университете не намечалось. Это была всего лишь лекция, на которую удалось пригласить интересного выступающего. К счастью, Олден смог выкроить в напряженном графике свободное время. А график его пребывания в Калифорнии и впрямь был напряженным: накануне состоялась его встреча с губернатором и обед в честь Олдена, на котором ему была вручена награда. В общем, Пэт Олден пользовался любовью и молодых, и пожилых.

Утром Олден завтракал со старшим сыном, студентом Университета Южной Калифорнии. В аудитории Патрик Олден появился с небольшим опозданием, минут в десять: стоя за кулисами, он ждал, пока его слушатели займут свои места. Выйдя на сцену, он тепло улыбнулся собравшимся. С его появлением в зале мгновенно установилась тишина. Те, кому не хватило мест, сидели на полу в проходах или стояли у дверей в конце аудитории.

Все с жадным интересом ловили каждое слово конгрессмена, рассказывавшего о работе правительственных органов и той великой ответственности, которая ляжет на плечи тех, кто свяжет свое будущее с политикой. Олден подробно рассказал про собственные студенческие годы, объяснил, чего пытался достичь, работая во всевозможных общественных комитетах, куда его тогда избирали. В Конгрессе он заседал вот уже третий год, и на его счету числилось немало законодательных инициатив, хотя этот год и не был для него выборным.

Олден говорил искренне и убедительно; присутствующие жадно ловили каждое его слово. Когда же он закончил свою речь, зал разразился бурей аплодисментов. Олден был доволен: похоже, он заразил юное поколение своим примером. Пригласивший его преподаватель объявил вопросо-ответную часть встречи. Вверх тотчас взметнулись сотни рук. Вопросы были острыми и умными и, как правило, по теме. Прошло минут двадцать, прежде чем в третьем ряду встал какой-то юноша, на которого указал конгрессмен, чтобы ответить на его вопрос, и с улыбкой посмотрел на Олдена.

– Какова ваша позиция по вопросу о свободе обладания оружием? – спросил молодой человек.

Этой темы конгрессмен в своей речи не коснулся и не собирался этого делать. Он был тверд в своих взглядах, хотя и не привык громко кричать о них. Да, он склонялся в пользу контроля, но вопрос был настолько щекотлив, что Олден решил не затрагивать его в своем выступлении, ограничившись советами тем, кто предполагал связать свою жизнь с политикой и государственной службой. Короче говоря, конгрессмен счел нужным не поднимать болезную тему.

Молодой человек, задавший вопрос, производил приятное впечатление: гладко выбрит, светлые волосы аккуратно причесаны, одет в голубую рубашку и куртку из магазина армейских излишков. Выглядел он подтянутым и воспитанным, вот только почему-то не улыбнулся в ответ на улыбку Пэта Олдена. Как кто-то позднее вспомнил, юноша этот был удивительно бледен, как будто днями не видел солнечного света.

Пэт Олден посерьезнел и начал отвечать на его вопрос.

– Я думаю, все вы знаете мое отношение к этой проблеме. Несмотря на одно из положений нашей конституции, дающее нам право на ношение оружия, я считаю, что терроризм – важный фактор современного мира, который нельзя игнорировать. Оружие часто попадает не в те руки. Мне кажется... – начал было конгрессмен, но так и не закончил свою мысль: молодой человек в синей рубашке и армейской куртке выхватил из кармана пистолет и, даже толком не прицелившись, выстрелил ему прямо в грудь, после чего произвел второй выстрел – в шею.

Заливая сцену кровью, Олден повалился на пол лицом вниз. Помещение огласилось испуганными криками. Охранники вместе с двумя телохранителями бросились к раненому. Студенты беспорядочной толпой устремились к выходу. Кто-то искал укрытия от пуль между стульями. Затем в зале грохнули новые выстрелы. Парень с пистолетом выпустил пулю в голову девушке, сидевшей рядом с ним, после чего стал беспорядочно стрелять в толпу. Когда же охранники бросились к нему, он застрелил их обоих.

К этому времени места вокруг стрелявшего опустели. Тогда он бросился через зал, на бегу стреляя в студентов, спешивших к выходу. Трех парням он выстрелил в спину, одной девушке попал в голову. По всему залу валялись убитые и раненые. Те, кто был ближе к сцене, окружили раненого конгрессмена. Пол вокруг него был залит кровью. Видя, как у них на глазах погибают товарищи, студенты истошно кричали от ужаса.

Точно зная, что делает, стрелявший последнюю пулю оставил себе. Университетский охранник находился всего в полуметре и попытался выхватить у него пистолет. Убийца на долю секунды замешкался, не зная, стрелять в него или нет, после чего выпустил пулю себе в голову и тем самым завершил кровавое побоище, которое сам же затеял всего несколько минут назад.

Кровавая драма длилась ровно семь минут. Его жертвами стали одиннадцать студентов и двое охранников. Еще восемь человек получили ранения. Конгрессмен был без сознания. Его, залитого кровью, медики вынесли из помещения на носилках. Снаружи уже стояло с десяток машин «Скорой помощи» и еще несколько должны были прибыть с минуты на минуту. Университетская полиция тщетно пыталась успокоить толпу. Несколько полицейских получили увечья, выбираясь из злосчастной аудитории. Из здания доносились крик и плач двух тысяч студентов, пытавшихся покинуть место трагедии.

Полицейские наконец окружили бездыханное тело стрелявшего. Один из них обыскал карманы убитого в поисках документов, после чего медики вынесли тело вон. Соседние стулья были густо залиты кровью и заляпаны ошметками мозга.

Потребовалось несколько часов, чтобы развезти по больницам раненых, убрать мертвые тела, очистить помещение и немного успокоить участников и свидетелей разыгравшейся драмы. Две жертвы скончались по пути в клинику. Число убитых студентов возросло до тринадцати человек. Университетский кампус стал местом кровопролития и скорби по погибшим, к несчастью пополнив печальную статистику насилия в учебных заведениях страны. Увы, эта трагедия была далеко не первой.

Все телеканалы изменили сетку вещания, прервав многие программы, и транслировали репортажи, снятые на месте событий в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе.

Отмечалось, что конгрессмен Олден находится в критическом состоянии. Он получил ранения в грудь и шею. В последнем репортаже сообщалось, что он находится в операционной, где хирурги в данный момент борются за его жизнь.

Через час в телеэфире было названо имя того, кто устроил кровавую бойню в университете. Будущий юрист, он бросил учебу в университете год назад. Известно также, что он отличался психической неустойчивостью. Признаки душевного заболевания появились у него еще за год до окончания школы. Во время учебы в университете он отказался продолжать курс лечения, хотя в старших классах школы лечился в психиатрической клинике.

Сообщалось, что ранее он угрожал своей бывшей подруге пистолетом, когда та стала встречаться с другим юношей, однако до этого никому не причинял реального вреда. Ему было девятнадцать лет. В данный момент он жил в квартире один и работал в ломбарде, где приобрел тот самый пистолет, которым и воспользовался в этот день. До его родителей удалось дозвониться лишь ближе к вечеру.

Когда полиция отвезла его мать из дома на допрос в участок, та была вне себя от горя. Отец отсутствовал – уехал на рыбалку. Соседи, когда к ним обратились за комментариями, рассказали, что стрелявший был неплохим парнем, вежливым, хотя и немного странным. Был одержим компьютерами, редко выходил из дома и, судя по всему, не имел друзей.

Всю свою недолгую жизнь он был одиночкой. Портрет, нарисованный теми, кто его знал: учителями, коллегами по работе в ломбарде, соседями, – являл собой классический образ психически неуравновешенного молодого человека, который сумел выскользнуть из сетей системы здравоохранения и, окончательно свихнувшись, убил за один день шестнадцать человек, включая самого себя, и ранил семерых, в том числе конгрессмена. Убийство было явно демонстративным. По мнению полиции, парень пришел в университет специально для того, чтобы убить Патрика Олдена, противника свободной продажи оружия. В пользу этого говорил и тот факт, что убийца пришел вооруженным и занял место в третьем ряду, ближе к жертве.

Кампус был немедленно оцеплен, учебные занятия приостановлены. Плачущие студенты собирались кучками, обнимали друг друга, оплакивали погибших товарищей. Жена Олдена уже вылетела из Вашингтона в Лос-Анджелес. Утром ей сообщили о том, что случилось с ее мужем. Она летела чартерным рейсом, который делал посадку в Денвере.

Пэт Олден все еще находился в клинике, хотя шансов выжить у него практически не оставалось. Его супруга уже позвонила их четверым детям, и те спешно вылетели в Лос-Анджелес. Старший сын, студент Южнокалифорнийского университета, уже приехал в больницу и ждал у входа в хирургическое отделение. Он был на занятиях, когда это случилось, и узнал о покушении на отца от своего друга из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Тот прислал ему эсэмэску еще до того, как о трагическом происшествии сообщили в СМИ.

Все пребывали в шоке. Ближе к вечеру от кровопотери скончалась еще одна жертва – университетский полицейский. Это было самое жуткое преступление подобного рода за последние годы. Именно из-за таких кровавых событий Пэт Олден и возражал против свободного хранения оружия: во всем мире оно слишком часто попадает не в те руки. Парень в голубой рубашке в очередной раз подтвердил правоту конгрессмена.

* * *

Блейз Маккарти сидела в своем кабинете одной из телестудий Нью-Йорка, просматривая видеозапись кровавой бойни в Лос-Анджелесе, сделанную кем-то из присутствующих на мобильный телефон. Это была безумная мешанина кадров – съемка велась из-под стула в конце

помещения. Были видны лишь ноги бегущих людей, слышались жуткие крики и, когда убийца убивал свою очередную жертву, хлопки выстрелов.

Блейз сосредоточенно просматривала запись, когда в кабинет, неся стопку распечаток с новостями для завтрашнего выпуска, вошел ее помощник Марк Спенсер.

Блейз много лет была ведущей выпуска утренних новостей, однако со временем стала специализироваться на освещении лишь самых главных событий.

Она готовила редакционные сюжеты и делала развернутые интервью со знаменитостями, с теми, кто уже успел стать легендой. Это был серьезный карьерный взлет, если принять во внимание, с чего Блейз начинала: с прогнозов погоды на телестудии в Сиэтле, куда пришла в двадцать два года, сразу по окончании колледжа. Сейчас, спустя двадцать пять лет, она была самой знаменитой женщиной-комментатором и своего рода телеиконой.

Марк работал с ней вот уже десять лет. Покладистый, хотя и немного нервный молодой мужчина, он пытался предугадать любое ее желание, любую ее мысль. Прирожденный перфекционист, Марк всегда гордился тем, что лучше других делает свою работу. Он был глубоко предан Блейз и просто обожал ее, ценил ее жизненные принципы и ее талант.

– Вы поедете туда? – спросил Марк, имея в виду Лос-Анджелес. Он ожидал услышать утвердительный ответ, но, к его немалому удивлению, Блейз покачала головой.

У Блейз были рыжие волосы, прекрасно вылепленные черты лица, огромные зеленые глаза и знаменитая ямочка на подбородке – предмет особой любви карикатуристов. Выразительное лицо и потрясающая фигура, благодаря которой Блейз выглядела лет на десять моложе своих сорока семи.

– Для меня там пока недостаточно материала, – коротко ответила она с грустной улыбкой. Как и Патрик Олден, она была сторонницей жесткого контроля за оружием, хотя и понимала, что этого никогда не произойдет. Несмотря на подобные случаи, оружейное лобби было одним из самых влиятельных в стране. Блейз знала Пэта Олдена, любила его и его жену. Ей было по-настоящему больно слышать о том, что с ним случилось. А ведь у него дети...

Что еще хуже, после случаев, подобных этому, Блейз всегда было не по себе. Страшно подумать, скольким невинным людям это стоило жизни. Ей было противно слушать истории о страданиях душевнобольных студентов, которым место в психушке, но которые разгуливали на свободе. Все эти истории имели один конец – увы, печальный.

А потом все начинали лить слезы о том, что последствия следовало предугадать заранее и не допустить трагедии. Но никто никогда заранее даже пальцем не шевелил. Суровая правда доходила лишь тогда, когда было уже слишком поздно.

– Все в руках у местных журналистов, – объяснила она Марку. – Кстати, они делают хорошую работу. Я же возьмусь за дело позже, когда, так сказать, пыль уляжется. Может, через несколько дней. Кроме того, завтра вечером я улетаю в Лондон, – напомнила она Марку о том, что он и без того прекрасно знал, так как лично готовил поездку, причем, как обычно, самым тщательным образом. Через два дня ей предстояло провести интервью с новым британским премьер-министром, а еще через день – с нефтяным магнатом из Дубая. Блейз Маккарти никогда долго не задерживалась на одном месте.

У кого только она не брала интервью! Почти у всех глав государств и представителей королевских династий, у кинозвезд, у знаменитых преступников, у политиков – иными словами, у всех, чье имя постоянно на слуху. Ее интервью неизменно отличались некой изюминкой, а ее редакционные комментарии – хлесткостью и били не в бровь, а в глаз.

В общем, Блейз Маккарти была красива, обаятельна и, что, пожалуй, еще важнее, умна. А еще это была женщина с характером, смелая, если не сказать, мужественная. Ей доводилось бывать в зонах боевых действий и во дворцах, ее приглашали на церемонии коронации и на похороны государственных деятелей. В общем, Блейз Маккарти была профессионалом самого высокого класса. Марк не сомневался: когда она выпустит сюжет о трагедии в университете

Лос-Анджелеса, это будет не просто история о том, как были убиты студенты и смертельно ранен конгрессмен. Это будет веское мнение о положении вещей в этом мире.

Ее репортаж о трагических событиях 11 сентября, когда были взорваны башни-близнецы, неизменно заставлял рыдать зрительскую аудиторию. За последние годы она удостоилась бесчисленного количества международных призов и наград в области журналистики. Пожалуй, не было такой темы, которой она бы не коснулась в своей программе. Блейз Маккарти была золотым эталоном тележурналистики: смелая, честная, с незапятнанным именем.

Никто не осмеливался посягать на ее статус и место на телеэкране, и хотя время от времени начальство запускало пробные шары, пытаясь «засветить» новое лицо, способное занять ее место в новостном сегменте, как правило, дальше робких попыток дело не шло. Впрочем, Блейз отлично понимала: в один прекрасный день руководство сделает очередную попытку заменить ее кем-то новым. Эта мысль была ей неприятна. Но что делать? В ее профессии такое встречается сплошь и рядом.

Такое когда-нибудь случится, и она это знала.

Она не питала иллюзий относительно мира телевизионных новостей. Это был безжалостный, кровавый мир. Так что как бы хороша она ни была на своем месте в данный момент, непременно настанет день, когда ей придется уйти с телевидения. Впрочем, пока что ей ничего не грозило, хотя для того, чтобы остаться на вершине популярности, приходилось вести ежедневную борьбу. Но она никогда не боялась трудной работы. Напротив, получала от нее громадное удовольствие. Своим успехом она была отчасти обязана тому, что работала больше других. Так было всегда, с самого начала. Блейз Маккарти была влюблена в свою работу и карьеру.

За исключением самых первых дней, когда она по окончании колледжа читала прогнозы погоды на телестудии в Сиэтле, – это занятие казалось ей легкомысленным, если не откровенно глупым, – как только она стала выездным репортером, сначала в Сиэтле, то сразу же получила первое повышение. Затем, спустя два года, Блейз переехала в Сан-Франциско, а через четыре – ей тогда исполнилось двадцать восемь лет – получила место в службе новостей нью-йоркского телевидения. Это был настоящий прорыв! Впрочем, каждый шаг по ступенькам карьерной лестницы, каждый новый успех приносил ей радость. Она не жалела о своем жизненном выборе. Ей было просто некогда скучать.

Она была готова пожертвовать кем угодно и чем угодно, лишь бы ее карьера продолжалась далее, и, оказавшись на пике популярности, могла постоять за себя. Блейз никогда, ни на секунду не позволяла себе расслабиться. Она была гением телерепортажа: сама выбирала темы для своих сюжетов, тех, у кого брала интервью, и ракурс подачи материала. Право выбора неизменно оставалось за ней. Она никогда не ставила целью добиться славы, главной ее задачей было совершенство во всем. Абсолютное совершенство. И еще не было случая, чтобы она оступилась на своем пути, ни единого раза.

Она по-прежнему оставалась любимицей миллионов зрителей. Даже когда время от времени ветры перемен потряхивали телеканал, ее лодка сохраняла устойчивость, а сама Блейз оставалась несокрушимой, как скала. Блейз обладала энергией десятерых людей вдвое моложе ее. В свои сорок семь лет она выглядела просто потрясающе. В профессии, где высоко ценятся молодость и красота, все давно перестали обращать внимание на ее возраст. Что неудивительно. Она выглядела гораздо моложе своих лет.

Блейз следила за собой, однако в первую очередь думала лишь о работе. Она была неутомима и большую часть года проводила в бесконечных разъездах, интервьюируя знаменитых и могущественных людей, сильных мира сего, делая это на максимально высоком профессиональном уровне.

Она оглянулась на телеэкран у себя за спиной, рядом с которым стоял Марк. Телеведущий только что сообщил о том, что умерли еще две жертвы кровавой бойни в университете

Лос-Анджелеса. Конгрессмен Патрик Олден пока жив, хотя и находится в критическом состоянии в хирургическом отделении клиники. Трое его детей сегодня прибыли в Лос-Анджелес. Его супруга, Розмари Олден, и четверо их детей круглосуточно дежурили у постели раненого конгрессмена, которому руководство клиники выделило отдельную палату.

Далее ведущий сообщил, что пуля прошла сквозь шею и вышла наружу, перебив несколько шейных позвонков. Не исключено, что, даже если Олден останется жив, ему грозит паралич, хотя этого нельзя утверждать наверняка. Другая пуля, попавшая в грудь, стоила Олдену одного легкого, но, на его счастье, не затронула сердце. Так что шанс выжить у него был, хотя и небольшой.

Блейз с хмурым видом положила в портфель материалы для предстоящего интервью с новым британским премьер-министром и уже собралась уходить домой.

– Звонила Салима, – сообщил Марк, когда она встала из-за стола и приготовилась надеть пальто. Салима – это девятнадцатилетняя дочь Блейз. С восьми лет она постоянно находилась в школе-интернате. Блейз неизменно испытывала по этому поводу чувство вины, хотя у них с дочерью были прекрасные отношения.

Салима была девушкой доброй и нежной. Она искренне гордилась матерью и уважала то, с какой серьезностью Блейз относилась к работе. Но Блейз по-другому и не могла. Она любила дочь, но при всем желании не смогла бы стать обычной матерью, без остатка посвятившей себя своему ребенку. Впрочем, она никогда не пыталась изображать из себя образцовую мать. Со своим помощником Блейз общалась чаще, чем с дочерью. Кстати, Марк уважал ее именно за честность. Блейз никогда не старалась выдать себя за ту, кем не была. Ее материнский инстинкт всегда уступал по силе ее трудовой этике.

– Как там она? – спросила Блейз с озабоченным видом.

– Очень расстроилась из-за этой стрельбы в Лос-Анджелесе.

– А кто не расстроился? – спросила Блейз.

Ей было известно, что дочь разделяет ее озабоченность проблемой насилия в кампусах и, как и она, является сторонницей строгих ограничений на продажу оружия. Нет, как все-таки хорошо, что дочь учится в небольшом колледже в Массачусетсе. Там уж точно вряд когда-либо случится трагедия, подобная лос-анджелесской.

– Я попробую позвонить ей вечером, – пообещала Блейз, зная не хуже, чем Марк, что сделает это лишь после того, как будет полностью готова к завтрашнему интервью. В этом была вся она, и Салима это тоже знала. Что бы ни случилось, работа прежде всего.

Спустившись вниз, Блейз села в служебную машину, которая уже ожидала ее у входа. Машина с шофером входила в условия контракта Блейз Маккарти. Долгие годы ее возил один и тот же шофер, добродушный и улыбочивый уроженец Ямайки. Каждый день он привозил Блейз на работу и отвозил домой.

– Добрый вечер, Талли, – приветливо поздоровалась она, и тот ответил ей улыбкой. Ему нравилось работать с Блейз: вежливая, демократичная, она – в отличие от прочих «звезд» – никогда не позволяла себе никаких капризов и взбрыков, хотя и была звездой с большой буквы. На ее месте другой наверняка стал бы настоящим монстром, но только не она. Блейз Маккарти была чуткой, трудолюбивой и скромной. И еще азартной болельщицей. Весной они с Талли обсуждали бейсбольные матчи, зимой – футбольные, баскетбольные и хоккейные. Как и он, Блейз была яркой поклонницей «Рейнджеров».

– Добрый вечер, мисс Маккарти. Если не ошибаюсь, завтра вы летите в Лондон? Будете брать интервью у британской королевы? – пошутил Талли.

– Нет, лишь у премьер-министра, – улыбнулась Блейз, глядя на водителя в зеркало заднего вида.

– Я так и подумал. – Талли не только любил возить Блейз, но и смотрел все передачи с ее участием. Затем разговор коснулся стрельбы в университете Лос-Анджелеса. Талли был

неглупый, наблюдательный человек, и Блейз всегда была интересна его точка зрения. Подобно другим людям, ему было что сказать о проблеме насилия, захлестнувшего в последнее время страну. У него самого двое детей учились в колледже.

Через двадцать минут Талли высадил Блейз на Пятой авеню, рядом с ее домом. В дверях ее вежливо приветствовал швейцар. Блейз поднялась на лифте к себе в пентхаус. Войдя в квартиру, она первым делом заглянула в холодильник. Там стоял ее ужин: контейнер с салатом и нарезанная ломтиками холодная курица, которые оставила ей домоправительница. Если не считать важных событий вроде юбилеев, политических или корпоративных мероприятий, Блейз вела размеренную жизнь и редко куда-то выходила. Друзей у нее было немного.

Впрочем, времени заводить приятельские отношения у нее тоже не было. Если даже она не была в командировке, она работала дома. Друзья этого не понимали, и со временем дружба сошла на нет. У нее осталось лишь несколько старых подруг, но она практически не виделась с ними. Мужчин в ее жизни не было вот уже четыре года.

Свою первую большую и единственную любовь она встретила в Сиэтле – в городе, в котором родилась и выросла. Мать Блейз была школьной учительницей, отец – мясником. Братьев и сестер у нее не было. На учебу Блейз поступила в городской колледж. Их семья жила тихо и скромно. Денег у родителей всегда было мало, но Блейз, пока росла, никогда не задумывалась об этом. В ту пору она не мечтала об успехе, славе и богатстве и надеялась – как то советовал ей отец – посвятить себя делу, которое любишь. И она нашла такое дело, когда пошла работать на телевидение.

Тогда ей было двадцать три года. Билл был оператором и почти все время проводил на съемках, куда его отправляли по заданиям телеканала. В те дни Блейз была ведущей прогнозов погоды, это была ее первая работа на телевидении. Они безумно влюбились друг в друга и поженились после трех месяцев знакомства. Билл был добрым и заботливым – таких, как он, Блейз больше не встречала. Они были без ума друг от друга. Увы, почти все время Билл проводил в зонах военных конфликтов, снимая там репортажи. Через шесть месяцев он погиб от пули снайпера, и половина ее существа умерла вместе с ним.

С тех пор для Блейз осталась только работа. Блейз находила в ней отдушину, работа давала ей твердую почву под ногами, а после того, как не стало Билла, работа превратилась для нее в смысл всей ее жизни. После Билла она никого не любила так, как его. Спустя какое-то время Блейз поняла: даже будь он жив, их отношения никогда бы не были прежними. Ее стремительный взлет к вершинам успеха в двадцать три года просто не оставлял места для таких вещей, как семья и любовь.

С Гарри Стерном она познакомилась, работая в Сан-Франциско, через два года после смерти Билла. Стерн приобрел местную бейсбольную команду, и Блейз взяла у него интервью. На двадцать лет ее старше, он был четыре раза женат и считался одним из самых преуспевающих предпринимателей Кремниевой Долины. Стерн сделал все возможное, чтобы добиться ее расположения. Он был очарован ее холодной, слегка отстраненной манерой поведения. Блейз сказала ему, что слишком занята, чтобы встречаться с ним. Кроме того, она знала, что сердце ее по-прежнему принадлежит Биллу.

Гарри это нисколько не обескуражило. Такой умницы и красавицы, как Блейз Маккарти, у него еще не было. Чтобы завоевать ее, Стерну потребовался год. Он задействовал все имевшие у него возможности: приглашал в рестораны, делал подарки, баловал, чем только мог. На свете не было мужчины обаятельнее, чем Гарри. Даже сейчас, в свои шестьдесят девять лет, он был все еще красив. Они с Блейз оставались друзьями. После нее у него было еще две жены, и он сохранил прежнюю страсть к молодым женщинам.

Через полгода после свадьбы Блейз получила приглашение перейти на телевидение в Нью-Йорк. Для нее никаких сомнений, никаких споров на этот счет не было. Она с самого начала сказала Гарри: самое главное для нее – карьера. Блейз всегда была честна с ним. Она

любила его, но не собиралась жертвовать карьерным ростом ради мужчины и никогда не отступала от своих принципов. Пока Гарри был в поездке, она приняла приглашение от телеканала и, когда муж вернулся домой, объявила ему, что перебирается в Нью-Йорк.

Они стали жить на разных побережьях страны, на два дома, и так продолжалось какое-то время. Когда ей удавалось выкроить время, она приезжала к нему на уикенд в огромный дом в Хиллсборо. Или же Стерн прилетал к ней в Нью-Йорк. Через три месяца после переезда в Нью-Йорк Блейз забеременела, но менять свой безумный рабочий ритм не стала. Она работала вплоть до самого дня родов. Даже в родильное отделение больницы ее отвезли прямо из рабочего кабинета. В эфир она вернулась уже через три недели после рождения дочери. Узнав, что у нее начались роды, Гарри тотчас же вылетел к ней на самолете и едва успел к той минуте, когда их дочь появилась на свет.

Впрочем, у него уже имелось пятеро детей от предыдущих жен, и он никогда даже не пытался изображать из себя заботливого отца. Салиму он видел один-два раза в год и после нее обзавелся еще двумя детьми. Всего же их у него было восемь. В его глазах дети были той ценой, которую он был вынужден платить за то, что женился на молодых женщинах. Всем им хотелось иметь детей. Стерн был счастлив дать своим женам такую возможность и щедро помогал деньгами, но все равно оставался таким виртуальным отцом.

Будучи ребенком, Салима очень переживала по этому поводу, но мать объяснила ей, что с этим ничего не поделаешь. Блейз любила свою дочь, но у нее вечно возникали дела, десятки новых проектов. И еще были люди, требовавшие ее первоочередного внимания. Салима понимала это и не обижалась на мать, а, напротив, боготворила ее.

После того как супруги разъехались в разные концы страны, брак с Гарри Стерном продлился еще пять лет, а затем они решили поставить точку в своих отношениях. К этому времени их уже ничего не связывало, за исключением теплой дружбы и редких поздних звонков в Нью-Йорк из Калифорнии и наоборот. Между ними не было ни враждебности, ни споров. Развелись они лишь спустя пять лет, когда Гарри решил жениться в очередной раз. Все это время он утверждал, что затянувшийся брак с Блейз хранил его от бед и неприятностей.

Затем он нашел себе некую супермодель, которая убедила его развестись и жениться на ней. Блейз даже прилетала на их свадьбу. Спустя годы ей от него ничего не было нужно, кроме финансовой поддержки дочери. Официально они были женаты одиннадцать лет, но прожили вместе как муж и жена не больше одного года. Когда они развелись, Блейз было тридцать восемь.

С тех пор они с Гарри виделись редко: она летала по всему миру, делая репортажи и беря интервью, и ее карьера продолжала неуклонно расти. У Блейз был непродолжительный роман с одним бейсболистом. Правда, тот оказался не слишком умным, и у нее с ним, по сути, не было ничего общего. Еще был роман с политиком, который неизменно вызывал интерес журналистов. После политика были преуспевающий бизнесмен и известный актер.

Ни одного из них Блейз по-настоящему не любила, да и свободного времени на них у нее тоже не было. Романы как-то незаметно заканчивались и сменялись новыми. Но ей по-прежнему было все равно. Мужчины в ее жизни были своего рода витринным украшением, недолгим развлечением, но не более того.

Ее последний роман – Блейз тогда было сорок один год – носил несколько иной характер. На их телеканале появился новый ведущий, красавец Эндрю Вейланд. Вся женская половина телеканала буквально млела по нему. Ни для кого не было секретом, что Вейланд женат. Блейз стала первой, кому он сообщил, что собрался развестись.

Он попросил ее никому об этом не рассказывать, чтобы, не дай бог, не пронюхали журналисты таблоидов, и буквально через несколько дней после своего признания пригласил Блейз на свидание. Она раздумывала лишь минуту. И хотя, как и все другие женщины, она была напавал сражена его яркой внешностью, все-таки в первую очередь ей нравился его блестящий

ум. Вейланд был обаятелен, остроумен, с ним было легко и весело. Таким он был во всем, кроме любви.

Их отношения очень быстро переросли в бурный роман. Вейланд был обольстительным, привлекательным, восхитительным – такого мужчины в ее жизни еще не было. Он быстро вскружил ей голову, и Блейз по уши влюбилась в него. Когда же, через год после начала их отношений, он предложил ей выйти за него замуж, Блейз ответила согласием, не зная ни сомнений, ни сожалений. Даже Салима полюбила его. Эндрю Вейланд умел очаровывать всех, даже детей.

И поскольку оба работали на телевидении и посвятили себя карьере, то казались идеальной парой. Вейланд по-доброму, с пониманием, даже с юмором относился ко всему, чем занималась Блейз. Если раньше других мужчин раздражал ее плотный рабочий график, Вейланд, наоборот, восхищался ею и никогда не жаловался на то, что она слишком много работает. Более того, давал ей ценные советы.

Блейз была в курсе, что в то время, пока она с ним встречалась, Вейланд все еще жил в своем доме в Гринвиче с женой и детьми. Он часто уезжал туда на выходные, провести время с семьей. Он говорил, покуда дом не продан, приходится жить под одной крышей с женой. В городе Вейланд снимал квартиру и большую часть времени проводил с Блейз. Она же почти все время была занята на работе, и тот факт, что Эндрю проводил выходные в Гринвиче с детьми, не особенно ее беспокоил.

Она все понимала. Лишь однажды, когда они заговорили о браке и Блейз поинтересовалась у Эндрю подробностями его развода и насколько тот приблизился к окончательному оформлению, она обратила внимание на промелькнувшую в его глазах тень неудовольствия. Она в первый раз поняла, что здесь что-то не так. В первый, но не в последний. Постепенно она начала подмечать и другие вещи: ложь здесь, полуправда там. В общем, сюрпризы посыпались на нее, как из рога изобилия. Неприятные сюрпризы, и не один, а целая россыпь лжи.

Практически все на телеканале давно уяснили себе: Эндрю Вейланд вовсе не намерен разводиться с женой, он остается ее законным мужем. Просто супруга не подозревает, что у него роман с Блейз Маккарти. Так оно и было: жена Вейланда знала так же мало, как и Блейз, которая была вечно занята на работе и бывала в разъездах. Ей и в голову не приходило сомневаться в нем или проверять то, что он сказал.

Когда же Блейз узнала, что он еще не встречался со своим адвокатом, а необходимые бумаги все еще не оформлены, Вейланд заявил, что это лишь «несущественные бюрократические мелочи» и он непременно займется ими в самом ближайшем будущем. Но так и не занялся, и развод не состоялся. Вейланд просто изменял жене и дурил голову Блейз. И пока Блейз в течение года старалась не афишировать их отношений, чтобы не портить ему судебного решения на бракоразводном процессе, Эндрю уверял супругу, что вынужден подолгу оставаться в городе из-за бесконечной работы.

В известном смысле, он одерживал победу за победой на обоих «фронтах». Нанятый Блейз детектив сообщил ей все, что она хотела знать об Эндрю Вейланде. Тот проводил выходные с женой и детьми, а будние дни – с Блейз. Его друзья в Гринвиче считали Вейландов счастливой семейной парой, а жена была уверена, что Эндрю и Блейз Маккарти – всего лишь коллеги и хорошие друзья.

– Как же ты собирался на мне жениться? – спросила его Блейз, узнав наконец правду. – Стал бы говорить ей, что не приедешь на выходные? Признался бы в том, что ты двоеженец?

Блейз была вне себя от горя. В конечном итоге кто-то проболтался, и история стала известна журналистам. В таблоидах появились фотографии жены Вейланда и их детей. Блейз тут же заклеили как разрушительницу семейного очага. Ей целых три месяца пришлось скрываться от папарацци, которые караулили ее возле дверей дома или телестудии.

Эндрю был отъявленный обманщик, неисправимый лжец. Отношения, в которые верила Блейз, оказались насквозь фальшивыми. Человек, которого она любила и которому верила, оказался плодом ее фантазии. Он не существовал. Она доверилась ему, но ошиблась в чувствах. Как выяснилось, Вейланд вовсе не собирался разводиться. Все это время он обманывал ее, а она, наивная, глупо попала на его крючок, так как безоглядно верила ему. Ей и в голову не приходило, что он способен на ложь.

Когда Гарри узнал об ушатах грязи, вылитых на нее в газетах, он позвонил Блейз и выразил ей сочувствие. Он знал, что Блейз порядочная женщина и не в ее стиле связываться с женатыми мужчинами. Прервав отношения с Эндрю, она несколько месяцев проплакала. Ей казалось, что жизнь закончилась.

Роман с Вейландом длился шестнадцать месяцев, меньше, чем полтора года. Однако разрыв так потряс ее, что с тех пор мужчин у нее больше не было. Она привыкла говорить, что добровольно не замужем.

У нее не было никакого желания вновь подвергать себя риску. Но хуже всего было то, что Вейланд продолжал ей звонить. Он так и не извинился перед ней за свою ложь и с завидным упорством продолжал слать ей электронные письма и эсэмэски, в которых говорил, как он ее любит и как скучает по ней, но ни разу не написал, что сожалеет о случившемся. Целых два года после того, как она от него ушла, Вейланд постоянно пытался вновь затащить ее в постель, зная, что это ее уязвимое место. Впрочем, Блейз хватило ума не поддаваться на подобные уловки.

И все же она скучала по нему, вернее, по тому вымышленному образу, в который когда-то влюбилась. Однако она больше не верила его лжи. Эндрю продолжал обещать, что они с Мэри-Бет вот-вот разведутся, что было явной неправдой. Блейз была в курсе, что после нее он водил за нос еще нескольких женщин. Супруга же, по всей видимости, была готова простить ему все.

В последнюю минуту Блейз вспомнила, кто он на самом деле такой, и сбежала. Она ни за что не призналась бы ему в этом, но ей было страшно одиноко. Она часто вспоминала о тех временах, когда у них был роман. Более того, когда Вейланд звонил, сердце ее по-прежнему трепетало, как будто желая поверить, что любовь, хотя бы малая ее часть, никуда не делась. Впрочем, в моменты благоразумия Блейз понимала: увы, все совсем не так. Эндрю Вейланд – лжец до мозга костей. Она вздохнула с облегчением, когда он получил работу на другом телеканале и переехал в Лос-Анджелес. Туда же, разумеется, переехала и его жена с детьми.

Вейланд утверждал, что после разрыва с Блейз у него пропало всякое желание довести развод до конца. В нем просто не было смысла. По мнению Эндрю, именно Блейз была виновата в том, что он не развелся, что, разумеется, было очередной ложью. Впрочем, Эндрю лгал, как дышал.

Время от времени он продолжал ей звонить, и, поскольку в данный момент в ее жизни никого не было, Блейз иногда отвечала на его звонки. Они все-таки были знакомы, и с ним можно было поговорить на темы, связанные с телевидением. Вейланд был неглуп, остроумен, но теперь она твердо знала, что больше не попадет под его чары. Ей просто приятно слышать его голос, о чем бы он там ни говорил.

Как бы глупо она ни чувствовала себя временами, Эндрю заполнял пустоту, которая образовалась в ее жизни после их расставания. Увы, после их разговоров Блейз неизбежно впадала в депрессию. Она чувствовала себя дурой и неудачницей. Боже, как же ее угораздило клюнуть на его лживые уловки! Как долго она позволяла ему манипулировать собой! Она была нужна ему лишь затем, чтобы спать с ней и обманывать жену, но не более того.

Эндрю Вейланд использовал ее, как использовал всех остальных в своей жизни. Теперь Блейз было больно даже думать об этом, и она страшно боялась вновь наступить на те же грабли. Но, как и раньше, она нашла убежище и утешение в работе.

Блейз вошла в свой домашний кабинет и включила свет. Поставив портфель рядом с письменным столом, вновь заглянула на кухню и, достав из холодильника салат, вернулась с

ним в кабинет, чтобы просмотреть документы, которые ей понадобятся завтра. Это та жизнь, которая ей нравится. Больше ей ничего не нужно. Блейз тотчас же с головой ушла в работу. Когда же она наконец закончила ее, было уже десять часов.

Салиме звонить было поздно: в их буколической глуши спать ложатся рано. Блейз вновь ощутила себя виноватой. Взяв тарелку из-под салата, она отнесла ее на кухню. Нет, она просто обязана позвонить дочери до отъезда в Лондон. Впрочем, она еще успеет сделать это завтра утром. Ей вечно не хватало времени, – вернее, хватало, но лишь для работы.

Блейз стояла и, глядя в окно на Центральный парк, думала о Салиме. У Блейз была прекрасная квартира, которую она купила девять лет назад, когда они с Гарри наконец развелись и продали квартиру на 74-й Восточной улице. Пентхаус на Пятой авеню идеально устраивал Блейз – просторная гостиная с чудесным видом из окна, уютная, обитая бледно-розовым шелком, в которой она проводила большую часть времени, бывая дома. Огромная ванная, облицованная белым мрамором, рядом – гардеробная. В конце коридора располагалась вторая спальня. В ней спала Салима, когда приезжала домой из школы.

Имелись в квартире и просторная кухня, оборудованная по последнему слову техники, и столовая, в которой при желании можно было устраивать званые обеды, каких она, впрочем, никогда не затевала. За кухней располагались еще две комнатки, пустовавшие с того самого дня, когда Блейз въехала в эту квартиру. Ее вполне устраивала приходившая каждый день помощница. Но чтобы в ее квартире, помимо нее, жил кто-то еще – боже упаси! Она привыкла к одиночеству и неприкосновенности личной жизни. Блейз была готова сменить образ жизни, когда собиралась выйти замуж за Эндрю Вейланда. Но теперь это все в далеком прошлом, от которого ее отделяют световые годы. Не считая десятка телефонных звонков за четыре последних года, можно считать, что он выпал из ее жизни.

Когда внутреннее убранство квартиры было готово, наверно, не оказалось ни одного модного журнала, который бы не поместил на своих страницах ее фото. Спустя девять лет квартира по-прежнему сверкала чистотой. Блейз почти не жила в ней, обитая в некоем идеальном мире комфорта и роскоши, в мире, нисколько не похожем на ту скромную жизнь, которую она когда-то вела в Сиэтле. Блейз Маккарти была популярна, знаменита и успешна, что на ее поприще удавалось немногим. Карьера на телевидении не длится долго. Блейз же благодаря присущей ей хватке, таланту и упорству сумела пробиться наверх и надолго удержаться там. Такая жизнь вызывала зависть у окружающих, у тех, кто мечтал об успехе и славе. Конкурентки при первой же возможности постарались бы отобрать ее у Блейз.

Чего никто не замечал, так это ее одиночества, тех мгновений ее жизни, в которых не было никого, кто мог бы подарить ей любовь и поддержку. Откуда людям было знать, что Блейз выпало испытать и перенести – предательства людей вроде Эндрю Вейланда или мнимых друзей, которые потом сами поспешили исчезнуть из ее жизни, людей, стремившихся погреться в лучах ее славы, так или иначе пользовавшихся ею в своих корыстных целях. Ее одиночество было им всем неведомо.

Блейз улыбнулась, вернулась к столу и бросила взгляд на журнальную статью, которую Марк специально выделил для нее фломастером. Подержав журнал в руках, Блейз сунула его в портфель.

Это была небольшая хвалебная статья о ней. Над фотографией, полученной у руководства телеканала, аршинными буквами был набран заголовок: «Совершенная жизнь». Да, со стороны могло показаться именно так. Но лишь одна Блейз знала, насколько это далеко от истины. Ее жизнь ничуть не отличалась от жизни других людей и в чем-то даже была существенно труднее. Каждый ее день являл собой нескончаемую борьбу за то, чтобы не потерять то, что она имеет, или, образно говоря, за тот плацдарм, который она изо всех пыталась отстоять.

Блейз была одна на вершине, на которую ей удалось взобраться: она жила в отелях в разных уголках мира, невзирая на хвори, летала туда, куда вряд ли захочет сунуть нос любой здоровый человек. Почти всю жизнь она только и делала, что куда-то спешила, – если не с самолета, то на самолет. Никто понятия не имел, что представляла собой ее жизнь – та самая, которой многие завидовали. Никто не догадывался о том, какую цену приходится за нее платить. Эта жизнь была далека от совершенства, и Блейз отлично это знала. Но сколь ни была трудна или одинока эта жизнь, Блейз ни за что не променяла бы ее ни на какие богатства мира.

Глава 2

Будильник, как всегда, зазвонил в четыре часа утра. Не открывая глаз, Блейз протянула руку и выключила его. Полежав еще несколько минут с закрытыми глазами, она заставила себя встать. За окном было еще темно, но с Пятой авеню уже доносился рокот автомобильных двигателей. Блейз улыбнулась: Нью-Йорк никогда не ложится спать. Всегда есть те, кто ночью не смыкает глаз. Почему-то эта мысль была ей приятна.

Блейз снова вспомнила об этом, войдя в ванную. Зачесав назад рыжие волосы и перехватив их резинкой, чтобы не намочить, она приготовилась принять ванну. Голову Блейз, как обычно, вымыла на ночь. Когда она придет в студию, парикмахерша причешет ее, а гримерша наложит макияж. Пока они будут колдовать над ней, Блейз успеет просмотреть перед эфиром нужные ей материалы.

Скользнув в огромную ванну, Блейз несколько минут задумчиво сидела в горячей воде, набираясь энергии для наступающего дня. Обычно это были последние минуты умиротворения и покоя. Тем более что вечером она уже будет в самолете.

Без четверти пять она вошла на кухню и поставила чайник. Затем шагнула к входной двери и забрала газеты. Прежде чем отправиться на работу, Блейз всегда старалась внимательно изучить свежий номер «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнэл». Затем она пробежала глазами заголовки новостей в поисковике Интернета. Она должна быть в курсе последних событий еще до того, как найдет на рабочем столе распечатки – об этом позаботится Марк – и новость прозвучит в утреннем эфире.

Перестрелка в лос-анджелесском университете была на первых полосах всех газет. К великой радости Блейз, сообщалось, что Патрик Олден все еще жив, хотя и подключен к аппарату искусственного дыхания. Так что жизнь его висит на волоске. Интересно, подумала Блейз, если Олден выживет, сумеет ли он восстановить здоровье или же останется инвалидом. В любом случае полученные им ранения серьезны и вряд ли пройдут бесследно для организма.

А как там его жена, его дети? Это трагическое происшествие будет главной темой ее утреннего выпуска новостей, за которой последует репортаж на тему финансов. Блейз самым тщательным образом изучила, откуда он, последний подъем рынка ценных бумаг, и что за этим кроется.

Блейз съела всего один тост и запила его чаем. Для более плотного завтрака было еще слишком рано. Тем более что в студии ее ждали фрукты и другая еда. Кстати, этим же, помимо ведущих, кормили и гостей передачи. Но Блейз перед работой почти ничего не ела. Не было аппетита.

Сегодня на ней были темно-синий блейзер, белая шелковая блузка, серые брюки и туфли на высоком каблуке.

В утренних выпусках Блейз предпочитала выглядеть слегка небрежно. Дорогую одежду она приберегала для интервью и специальных репортажей. Блейз уже выбрала стильный черный костюм, который наденет в Лондоне для завтрашнего интервью с британским премьер-министром. Вещи она собрала еще вчера, и теперь две ее небольшие сумки стояли в прихожей. Она заберет их сегодня вечером, когда придет домой, чтобы переодеться. Отправляясь в ночные полеты, Блейз обычно надевала брюки и другую удобную одежду. Это вошло у нее в привычку.

На часах было без двадцати шесть, когда Блейз полностью прочитала обе газеты. Она причесалась, убедилась, что одежда сидит на ней идеально, взяла сумочку и портфель, надела пальто и без пяти минут шесть спустилась вниз.

Талли уже ждал ее. Он широко улыбнулся Блейз, когда та села в машину.
– Доброе утро, мисс Маккарти. Хорошо выспались? – спросил он.

– Да, спасибо, прекрасно. Как ваши дела, Талли?

– Неплохо. Вчера засиделся допоздна, смотрел один старый фильм. – Водитель пояснил, что смотрел «Касабланку», и оба сошлись на том, что фильм действительно замечательный. До недавнего времени темой их разговоров был бейсбол. Блейз так же, как и Талли, болела за «Янкис». Всякий раз, когда у нее бывала такая возможность, Блейз давала ему билеты на бейсбольные матчи, за что Талли был ей несказанно благодарен. Иногда ей удавалось раздобыть билеты даже на чемпионаты мира.

Через несколько минут Талли высадил ее возле здания телецентра. В этот час улицы были почти пусты, и они быстро доехали до ее работы. В двадцать минут седьмого Блейз вошла к себе в кабинет. Марк уже ждал ее с подборкой последних новостей. Быстро просмотрев их, она с облегчением отметила, что Пэт Олден жив. Если бы он умер, Блейз непременно сказала бы о нем немало добрых слов. На всякий случай, она была готова и к такому исходу событий.

Вместе с трагическими событиями в Лос-Анджелесе главной темой ее утреннего выпуска стало насилие в кампусах и проблемы с лечением душевнобольных. Случаев, подобных лос-анджелесскому, в недавнее время было немало. В них также фигурировали психически неуравновешенные студенты, всячески избегавшие лечения и позднее совершившие акты агрессии. Последствия, как правило, были самые трагические.

Внеся в тексты новостных сообщений окончательную правку, Блейз отправилась к парикмахеру и гримеру, где провела минут сорок под светом софитов, готовясь к выходу в эфир и общаясь с двумя женщинами, с которыми виделась каждое утро. Обе были молоды и имели маленьких детей. Иногда они интересовались у нее, как поживает Салима. Блейз неизменно отвечала, что с дочерью все в порядке. Она не особенно распространялась о Салиме. В свою очередь Блейз интересовалась, как дела у их детей, на что следовал примерно такой же ответ. И как всегда, когда с прической и макияжем было закончено, Блейз понимала, что выглядит потрясающе.

В четверть восьмого она была готова, а через пять минут с деловым и в то же время спокойным видом села за стол. Перед камерой сидела женщина, которой подвластна любая ситуация. Блейз Маккарти была звездой на все сто процентов. В ожидании сигнала оператора о начале эфира ее лицо было сосредоточенно серьезным, но через секунду осветилось теплой улыбкой, и Блейз пожелала зрителям доброго утра.

– Я знаю, что вчерашняя трагедия в университете Лос-Анджелеса потрясла всех и каждого, и хочу выразить наши соболезнования и глубокое сочувствие семьям жертв. К сожалению, приходится отметить, что тема насилия не является для нас чем-то новым. Из-за несовершенства системы здравоохранения проблемный молодой человек с признаками душевного заболевания ухитряется избежать полноценного лечения. А затем неожиданно происходит трагедия. Я хотела бы задать вопрос всем университетам: что они делают для того, чтобы предотвратить повторение таких ситуаций? Как защитить студентов от их душевнобольных товарищей? Можем ли мы настоять на их лечении – кстати, для их же блага? Что мы делаем для укрепления личной безопасности? Почему вчера у входа в университетскую аудиторию не оказалось рамки металлоискателя? А если она была, то почему преступнику удалось пронести оружие в помещение? Стрелявший, войдя в аудиторию, был вооружен. Это самым естественным образом вынуждает меня в очередной раз задать вопрос: а так ли нам нужно огнестрельное оружие? Я искренне полагаю, что те, кто выступает против любых ограничений, для подкрепления своей позиции искажают смысл нашей Конституции. Это не вопрос гражданских свобод, это вопрос безопасности наших граждан. Свобода слова не лишит вас жизни. Право на ношение оружия – убьет. Нам нужно видеть разницу между этими понятиями и не бояться ограничивать права, которые когда-то были вполне оправданны, но теперь – нет. Если вы сомневаетесь в этом, вспомните, что произошло вечера с Патриком Олденом, о том, какая жизнь будет у него и его семьи, если он останется жив. Вчера жизнь многих людей изменилась навсегда. Не

только тех, кто был убит или получил увечья, а их семей, их родных и близких. Мы не можем допустить, чтобы это повторялось снова и снова. Но прежде всего мы должны найти способ лечения душевнобольных студентов. Как только установлен недуг, они должны находиться под врачебным контролем. Это только на пользу им самим, как и тем, кто может от них пострадать. Вчерашние события показывают: то, что мы делаем, – не срабатывает. Нам нужна более качественная и надежная система лечения таких людей.

Блейз выдержала короткую паузу, давая зрителям возможность осознать высказанную ею мысль, после чего перешла к теме подъема рынка ценных бумаг, которая беспокоила специалистов с Уолл-стрит. Не слишком ли быстро произошел этот подъем после недавнего обвала? И что он значит? Блейз выдвинула несколько версий, процитировав слова экспертов. В своих эфирах она всегда затрагивала самые злободневные темы.

У нее было целых двадцать минут прямого эфира. Наконец, продолжая улыбаться в камеру, тем более что оператор дал крупный план, Блейз попрощалась со зрителями и пожелала им удачного дня. Неудивительно, что у людей неизменно возникало ощущение, будто она говорит «до свидания» именно им. Прозитительные зеленые глаза смотрели прямо на телезрителя. Блейз говорила со всеми и с каждым в отдельности. Новости сменились рекламой. Блейз тем временем сняла микрофон, встала и вышла из студии. Несколько продюсеров тотчас заверили ее, что эфир прошел прекрасно.

Как и планировала, она высказала свое мнение по всем большим вопросам – тонко, ненавязчиво, чтобы не напугать зрителей, а лишь проинформировать и заставить задуматься. Этим утром она коснулась тем насилия, психических расстройств и финансового рынка. Это были самые главные темы выпуска. Эфиры Блейз всегда были интересными и адресовались как мужчинам, так и женщинам. Они были интеллектуально насыщены, но оказывалось в них и нечто большее: Блейз уважала свою телеаудиторию и признавала за зрителями способность мыслить.

Ее комментарии адресовались каждому, кто хотел думать. Ее интервью и специальные репортажи были еще интереснее. Блейз прекрасно выбирала себе собеседников, которым задавала тонкие и умные вопросы, затрагивая темы, которые были интересны ее аудитории. Неудивительно, что у зрителей возникало ощущение, будто в эти моменты они вместе с Блейз находятся в студии.

Она также обладала врожденным даром располагать к себе тех, у кого брала интервью. Наделенная природной непринужденностью, Блейз не боялась рассмешить собеседников, раскрепостить их. И в результате добиться от них того, что ей нужно. Начав с шуток, она неожиданно переходила к серьезным темам и, как говорится, брала собеседника за жабры. Делала она это не просто умело, а по-настоящему виртуозно.

– Отличная работа, – похвалил Чарли Оуэнс, исполнительный продюсер, пробегая мимо Блейз, торопясь на совещание. Сама она вернулась к себе в кабинет – проверить электронную почту и еще раз просмотреть материалы для завтрашнего интервью с премьер-министром. Стоило ей заняться делами, как она забыла обо всем на свете. Остаток дня Блейз провела за подготовкой предстоящего интервью в Дубае. Буквально за минуту до того, как уйти с работы, она сделала запрос на дополнительную информацию. В том, что касалось работы, Блейз была предельно основательна и скрупулезна. Кстати, это была одна из причин любви к ней как начальства, так и телезрителей.

– У вас есть все, что вам нужно? – уточнил Марк, когда Блейз положила в портфель последнюю папку с бумагами.

– Да, у меня все готово, – ответила с улыбкой Блейз и стала надевать пальто. Марк был таким же аккуратистом, как и она. Неудивительно, что они так прекрасно ладили друг с другом. В его глазах она была не зануда-перфекционистка, а настоящая звезда и образец для подражания.

Между тем стрелки часов показывали шесть вечера. День получился долгим. Как обычно, она провела на работе двенадцать часов. Но для Блейз в этом не было ничего необычного. Марк тоже работал каждый день дольше положенного и считал подобное состояние дел вполне естественным.

– Увидимся через три дня, – снова улыбнулась Блейз. – Звоните, если появится что-то интересное.

Интервью с премьер-министром будет снимать британский оператор. Он же вылетит вместе с ней в Дубай наряду со звукооператором и другими членами съемочной группы.

– Попытайтесь поспать в самолете, – с озабоченным видом посоветовал Марк. Он искренне беспокоился за нее. Блейз работала на износ, как никто другой из всех известных ему тележурналистов, и получала удовольствие от тяжелой работы. Чем больше Блейз работала, тем больше подпитывалась энергией. Она сама замечала это за собой. Это был один из секретов ее успеха. Плюс тот факт, что ей не требовался долгий сон. Когда же окружающие сетовали на то, что она почти не спит, Блейз всегда напоминала им о Маргарет Тэтчер, которая спала всего три часа в сутки, и тогда они замолкали.

Она любила делать то, что ей нравится, любила засиживаться за работой далеко за полночь. Отсюда – естественное желание жить одной и говорить, что она «выбрала добровольное одиночество». Блейз действительно сумела убедить себя в том, что именно так и есть. Даже если временами ей и было одиноко, она дала себе слово: больше никаких романов. Иногда по вечерам ей хотелось, чтобы рядом с ней был кто-то, с кем можно было бы поговорить, особенно если на работе случилось что-нибудь хорошее или плохое. Во всех прочих отношениях одиночество ее устраивало.

– Я всегда сплю в самолетах, – напомнила она Марку. – В полете, пожалуй, труднее не спать.

Полет из Нью-Йорка в Лондон занимал семь часов; на следующий день она должна выглядеть свежей и полной сил. Так что ей обязательно нужно хорошенько выспаться в самолете. Через три часа после посадки она встречается с премьер-министром. Этого времени впритык хватит на то, чтобы добраться до отеля, принять ванну и переодеться, после чего прибыть на Даунинг-стрит, 10. Ни одной лишней минуты у Блейз не будет.

– Не забудьте поесть, – посоветовал Марк, зная ее привычки. Когда Блейз с головой ушла в важный для нее проект, она часто забывала о еде и сне.

Помахав Марку на прощание, Блейз направилась к лифту. Нет, какой у нее все-таки замечательный помощник!

Был час пик, улицы забиты транспортом, так что домой она добралась лишь через сорок пять минут. Не то что утром от дома до работы. Пока Талли уверенно лавировал в потоке уличного движения, Блейз откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза. Когда они наконец доехали до ее дома, Блейз кивком поблагодарила Талли.

– Увидимся в полдевятого, – напомнила она водителю. Чтобы успеть на лондонский рейс, в аэропорту ей нужно быть в полдесятого. Вылет назначен на половину двенадцатого.

– Буду вовремя, – пообещал Талли.

Блейз поднялась наверх, в свою пустую и тихую квартиру, включила свет и выглянула в окно, выходящее в парк. Было почти семь часов, и она решила принять душ и переодеться. И что-нибудь поесть. Может, до отъезда позвонить Салиме? Или нет, в это время дочь ужинает. Блейз позвонила ей сразу, как приняла душ. Салима взяла трубку после первого же гудка. Система электронного определения номера голосом подсказывала ей имя звонившего. Она могла из любого места в комнате услышать звуковой сигнал и понять, кто звонит. Услышав номер матери, Салима улыбнулась и поспешила к телефону.

– Привет, мам, – радостно произнесла она. Блейз неизменно поражало, что в голосе дочери ни разу не послышалось даже малейшей нотки раздражения или упрека по поводу того, что она звонит ей не слишком часто. Только радость.

– Привет, дорогая. Чем занимаешься? – спросила Блейз, радуясь возможности поговорить с дочерью.

– Уроками, – ответила Салима. Голос у нее был почти детский и тембром напоминал материнский. Когда она приезжала домой на каникулы, люди по телефону нередко путали ее с Блейз.

– Ты собираешься в Лос-Анджелес?

Салима надеялась, что мать будет делать специальный сюжет о трагическом происшествии в университете, однако Блейз считала, что спешить с этим не стоит. Пока это новость номер один, а вот для полноценного репортажа с места событий еще рановато. У Блейз было редкое чутье, в какой момент подавать тот или иной материал, и оно ее ни разу не подвело. По ее мнению, делать репортаж из Лос-Анджелеса пока что преждевременно.

– Нет, сегодня вечером я улетаю в Лондон. Буду брать интервью у премьер-министра.

– Круто, – ответила Салима. Правда, в ее голосе просквозило разочарование. Сюжет из Лос-Анджелеса был бы куда интереснее. Встреча матери с каким-то там премьер-министром представлялась ей сущей скукой.

– Завтра вечером из Лондона лечу в Дубай на встречу с саудовским принцем, управляющим крупной нефтяной компанией. Говорят, он очень интересный человек. Ходят слухи, что его брат – террорист, но точно этого никто не знает.

– И ты непременно его об этом спросишь? – уточнила Салима и рассмеялась собственному вопросу.

– Может быть. Посмотрим, как пойдет разговор. После этого я вернусь домой. Меня не будет всего три дня.

– Не беспокойся, мама. Со мной все в порядке, – заверила ее Салима. Именно она всегда подбадривала Блейз, а не наоборот.

– Когда вернусь, обязательно приеду к тебе. Как дела в колледже?

– Тоска. Пытаюсь разделаться с обязательными предметами. Они ужасны. Сплошной отстой. В этом семестре у меня только один предмет по выбору.

– Какой?

– История итальянской музыки эпохи Возрождения, – ответила Салима с нескрываемой радостью в голосе. Блейз простонала.

– О, господи, какой ужас! Я бы на твоём месте выбрала математику! – с чувством произнесла она.

Салима не удержалась от смеха.

– Зато я этот предмет обожаю. Это такая прекрасная музыка. Когда я прихожу с занятий, я напеваю услышанные мелодии.

– Только ты у нас такая, – невольно улыбнулась Блейз. Салима любила петь и могла исполнить все, что угодно. У нее был прекрасный голос и тонкий музыкальный слух, а также прекрасная память. Этот редкостный дар проявился еще в раннем возрасте.

Они проболтали около получаса. Салима рассказала матери о занятиях в колледже, поделилась слухом о том, что у двух преподавателей, похоже, роман. Нет, она не знает, у кого именно, но время от времени возникали слухи, и они неизменно вызывали у нее интерес. Правда, откуда пошел этот слух, было не очень понятно. Болтать с Салимой было легко и забавно; Блейз в очередной раз испытала укол вины из-за того, что редко общается с дочерью. Впрочем, сама Салима никогда на это не жаловалась, так как была занята собственными делами и всегда пребывала в хорошем настроении. Будучи по натуре независимой, она не

сидела на месте в ожидании звонка матери. Блейз тоже вечно была занята, к чему Салима давно привыкла.

– Позвоню тебе, как только вернусь, – пообещала Блейз. – Попытаюсь приехать к тебе на эти выходные.

– За меня не беспокойся, мама. Со мной все в порядке, – заверила ее дочь. – Не приезжай, если сильно устанешь с дороги.

– Посмотрим, – уклончиво ответила Блейз. Она любила приезжать к Салиме в это время года. Ей очень нравилась золотая осень в Новой Англии. Но еще больше ей нравились встречи с дочерью. Хотя Блейз редко виделась с ней, она очень любила Салиму. Салима же прекрасно понимала, как важна для матери ее работа.

– Счастливого полета! – пожелала ей Салима. Положив трубку, Блейз еще с минуту сидела молча, думала о дочери, затем пошла переодеваться. У нее в запасе еще есть время, чтобы перекусить. Потом можно и в аэропорт.

Когда она спустилась вниз, Талли уже ждал ее. Вид у него был усталый, даже более усталый, чем у Блейз, чей рабочий день был таким же долгим, а дел оказывалось гораздо больше. По пути в аэропорт она была непривычно молчалива и постоянно думала о Салиме. В эти выходные нужно обязательно съездить в Массачусетс. Блейз не видела дочь уже целый месяц. В последний раз они встречались в выходные перед Днем труда¹. В общем, давно пора проведать Салиму.

Блейз пыталась приезжать к ней регулярно, раз в месяц или, при частых командировках, хотя бы один раз в полтора-два месяца, правда, и это удавалось ей нечасто. Впрочем, Салима никогда не жаловалась. В конце концов, ей уже девятнадцать, она давно не ребенок. Даже в первый раз уезжая в школу, она держалась стойко и ни разу не попросила мать забрать ее домой. Она искренне радовалась, когда Блейз приезжала ее навестить. Никаких упреков, никаких капризов. Было бы неплохо, если бы дочь хотя бы изредка навещал и Гарри, но тот предпочитал сохранять дистанцию.

Так что к Салиме приезжала одна только Блейз. Гарри Стерн был хорошим человеком, но никудышным отцом. После того как Салима в восемь лет пошла в школу, отношения между отцом и дочерью совершенно прервались. Впрочем, если сказать честно, их и раньше не было.

В аэропорту Блейз уже ждали два представителя авиакомпании «Бритиш Эйр». Они проводили ее в зал для пассажиров первого класса, где можно было отдохнуть и расслабиться в ожидании рейса.

Согласно ее пожеланию, она поднялась на борт самолета последней и заняла место в первом классе. Когда Блейз шла по проходу, в салоне возникло легкое оживление: многие пассажиры ее узнали.

В мире, наверно, не было такого человека, который не знал бы, кто такая Блейз Маккарти. Ее было нетрудно узнать, в том числе и по рыжим волосам.

Проводив ее до места, представители авиалинии ушли, вверив важную пассажирку заботам стюарда. Тот первым делом предложил ей журналы, газеты и шампанское. Блейз вежливо отказалась. Вместо шампанского она достала из портфеля подготовленные Марком распечатки, чтобы в полете подготовиться к завтрашнему интервью. Она захватила с собой в салон кашемировый плед и маленькую подушечку и, как только самолет поднялся в воздух, погрузилась в чтение. От предложенного ужина она отказалась, ограничившись чашкой чаю.

Блейз не любила поздние ужины во время ночных полетов. Более того, никогда не понимала, зачем люди запихивают в себя еду в неурочный час. По всей видимости, считают, что, раз за еду заплачено при покупке билета, им нет смысла лишать себя этой радости. Что касается Блейз, то несварению желудка она предпочитала хороший сон. Закончив читать, она выключила

¹ День труда – общенациональный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября. – *Прим. перев.*

чила лампочку-ночник, попросила стюарда разложить кресло – именно поэтому она и путешествовала первым классом, – надела на глаза повязку и, укутавшись в плед, через пять минут погрузилась в сон.

Она попросила разбудить ее за полчаса до посадки, чтобы успеть почистить зубы, причесаться и выпить чашку чаю.

В аэропорту ее встретил представитель все той же «Бритиш Эйр» и сотрудник службы безопасности. Они помогли ей быстро пройти паспортный контроль и таможню. Блейз была дорога каждая минута. На выходе из терминала ее уже ждал водитель, который доставил женщину в отель. Она разглядывала в окно машины пролетающий мимо английский пейзаж. На ее счастье, пока все шло согласно графику.

Формальности в аэропорту были пройдены за двадцать минут, и уже через сорок пять Блейз была в отеле «Клэридж». У нее оставался ровно час на то, чтобы принять ванну, переодеться, отправить электронную почту, сделать кое-какие записи и добраться до Даунинг-стрит для интервью. Оператор будет ждать ее там.

В отеле Блейз предоставили ее любимый люкс. Она всегда заказывала только его. Номер напоминал гостиную типичного английского загородного дома: светло-желтые стены, обтянутая чинцем в цветочек мебель. Блейз его просто обожала².

Блейз быстро позавтракала, хотя в Лондоне время уже шло к обеду. Впрочем, она никогда не страдала от разницы во времени, так что перелеты не создавали ей особых проблем. Когда она прибыла на Даунинг-стрит, то выглядела свежо и бодро. Оператор и съемочная группа ждали ее в фургоне с оборудованием. Оператор уже показал свои документы охраннику возле входа и пояснил, что они ждут Блейз.

Три секретаря помогли им расположиться в уютной гостиной, и к тому моменту, когда туда вошел премьер-министр, – минута в минуту в соответствии с оговоренным графиком, – все уже были готовы. Блейз легко и непринужденно завязала разговор. Премьер-министр оказался чрезвычайно проницательным, обаятельным и весьма остроумным собеседником. Он тонко, с лукавой искоркой в глазах, уходил от ответов на щекотливые вопросы. На те же, что ему нравились больше, он отвечал обстоятельно. Это была своего рода игра в словесный пинг-понг, которую они вели на равных.

Блейз сразу ему понравилась. Он давно и с нетерпением ждал встречи с ней. Ему сказали, что он будет иметь дело с женщиной умной, и Блейз Маккарти его не разочаровала. Премьер остался доволен встречей. Он довольно полно и, по всей видимости, довольно откровенно ответил на заданные ему вопросы. Интервью с ним стало для Блейз очередным успехом. Она получила то, ради чего прибыла сюда: фигурально выражаясь, заглянула под маску нового премьер-министра.

Их беседа протекала в теплой, доброжелательной обстановке. Блейз сумела расположить к себе собеседника. Она чувствовала, что понравилась ему, он искренне восхищался ею, отвечая на подчас каверзные вопросы, которые в иных случаях наверняка отказался бы даже затрагивать, что, кстати, не раз бывало с Блейз в интервью с другими политиками. В конце беседы премьер-министр поинтересовался, каковы ее дальнейшие планы. К этому моменту камера была уже выключена, и Блейз честно призналась, что завтра вылетает в Дубай. Премьер широко улыбнулся.

– Вот это интервью я бы хотел посмотреть. Ваш саудовский принц куда более колоритная фигура, чем я.

– Скорее, более противоречивая, – лукаво улыбнулась Блейз. – Зато вряд ли столь же интересная и галантная.

² Чинц – лощеная хлопчатобумажная ткань, поверхность которой производит впечатление натертой воском. – *Прим. перев.*

Она еще раз поблагодарила премьер-министра, пожелала ему удачи во всех начинаниях, и они расстались; каждый из них чувствовал, что обзавелся новым другом. С Блейз такое бывало часто. Она была лучшей в своей профессии. Неудивительно, что все те, у кого она брала интервью, немножко в нее влюблялись. По крайней мере, мужчины. Перед объективом видеокамеры Блейз буквально преображалась.

Окрыленная успехом, она вернулась в отель. Впрочем, Чарли тоже наверняка будет доволен. Интервью с премьер-министром прошло, как говорится, на одном дыхании.

У нее было достаточно времени на то, чтобы, переодевшись во что-то более удобное, пару часов отдохнуть, прогуляться на бодрящем октябрьском воздухе по Бонд-стрит, наскоро перекусить в отеле и вновь отправиться в аэропорт, откуда она вылетит в Дубай. Лететь ей столько же, сколько накануне из Нью-Йорка в Лондон, точнее, на сорок пять минут меньше. Блейз намеревалась в очередной раз выспаться в самолете, чтобы прибыть на место отдохнувшей и полной сил.

Она не могла позволить себе быть сонной и вялой на встрече со своим новым визави. У принца была репутация человека хитрого, умеющего виртуозно уходить от ответов на ключевые вопросы. Блейз понимала: ей потребуется приложить все силы к тому, чтобы установить с ним контакт. Так что спать она легла сразу, как только села в самолет, предварительно попросив стюарда разбудить ее лишь перед самой посадкой.

В аэропорту Дубая ее снова встретила служба сопровождения важных персон. На этот раз это был лимузин «Роллс-Ройс-Фантом» с шофером в ливрее, который доставил ее в знаменитый отель «Бурдж-эль-Араб». Во время командировок, особенно бывая за границей, Блейз останавливалась лишь в лучших отелях, что было оговорено в ее контракте. Кроме того, ей везде полагался лимузин с шофером. Впрочем, она заслужила все это своим трудом. Так было вот уже двадцать пять лет. За это время Блейз привыкла воспринимать положенные ей привилегии как должное, как неотъемлемый элемент окружающего мира.

Она уже бывала в Дубае и всякий раз отмечала для себя все то новое, что появлялось с момента ее последнего посещения: отели, торговые центры и прочее. Отель, в который она прибыла, был поистине похож на дворец. Номер тоже был гигантских размеров. Такой пышной роскоши Блейз еще ни разу не видела. Ей полагался даже личный дворецкий. Для гостей, прибывающих вертолетами, на крыше отеля имелась специальная площадка.

Ее интервью было запланировано на девять часов вечера. Блейз воспользовалась возможностью прокатиться в «Роллс-Ройсе» по городу. Шофер по пути показывал ей местные достопримечательности. Увиденное впечатляло. Впрочем, если бы не командировка, Блейз никогда бы не приехала сюда по собственному желанию. Но как место для интервью Дубай был просто фантастическим городом. Когда Блейз вернулась в отель, у нее уже появились новые вопросы, которые она непременно задаст своему собеседнику.

Она знала, что принц живет в Эр-Рияде, но, в силу ограничений для женщин в этом городе, согласился встретиться с Блейз в Дубае, куда приехал с деловыми целями. Дубай был самым либеральным из всех арабских городов.

Интервью должно было состояться в гостиной ее люкса, где съемочная группа уже установила осветительную и прочую аппаратуру. Для встречи с высоким восточным гостем Блейз выбрала черное платье с длинным рукавом и закрытым горлом, строгое, но в то же время шикарное, всем своим видом демонстрируя уважение к местным традициям. Принц был намного моложе ее. Ей была известна его репутация большого любителя слабого пола. Не секрет, что, выезжая за границу, принц не чурался общества молодых женщин. Впрочем, здесь, в Дубае, и тем более в ее обществе, он наверняка не станет позволять себе вольностей.

Мохаммед-бин-Сабур не разочаровал Блейз. Он вошел к ней в гостиную в безукоризненном английском костюме, сшитом на заказ у дорогого лондонского портного, и начищенных до блеска парижских туфлях от Джона Лобба.

Он был смуглым, с иссиня-черной шевелюрой и щегольскими усиками. Да, он чертовски красив, была вынуждена признать Блейз. Ему было тридцать пять лет, но выглядел он гораздо моложе. Не относись Блейз так серьезно к своей работе, она бы рискнула пофлиртовать с ним. Вместо этого они в течение двух часов вели похожую на поединок беседу. Принц был умен, обаятелен и обладал превосходным чувством юмора. Образование он получил в Англии.

В течение первого часа принц ловко уходил от ответов на большую часть ее вопросов. Блейз была к этому готова и приберегла самые важные напоследок, рассчитывая утомить собеседника и заставить его врасплох. Она даже осмелилась спросить принца о брате, том самом предполагаемом террористе. Услышав этот вопрос, ее собеседник рассмеялся.

– Какая, однако, интересная репутация у моего брата, – беспечно ответил он, несколько не смутившись. – Если он кого и терроризировал, то только меня. В детстве брат безжалостно меня мутузил, а теперь очаровывает всех моих женщин. Он дьявольски красив и беззастенчиво этим пользуется.

В общем, принц легко и изящно ускользнул от прямого ответа.

– Так же, как и вы, – констатировала Блейз с улыбкой, которая снискала ей славу еще в первые годы работы на телевидении. Она ни в чем не уступала своему собеседнику.

– Благодарю вас, мисс Маккарти.

Блейз задала еще несколько острых вопросов – о нефти на Ближнем Востоке, о его бизнесе в Соединенных Штатах. Принц отвечал осторожно, но до известной степени правдиво. Мохаммед-бин-Сабур был отнюдь не дурак и не сказал ничего такого, что выставило бы его на телеэкране в невыгодном свете. Он хотя и был все время начеку, однако держался достаточно раскованно, чтобы расположить к себе телезрителей.

Было в нем нечто обольстительное, с легкой аурой таинственности. Из его уклончиво-игривого ответа Блейз заключила, что брат принца именно тот, кем его считают. То есть террорист. Впрочем, ей хватило такта и ума не заострять этот момент. Она элегантно подвела интервью к завершению. Принц учтиво поклонился и поблагодарил Блейз. Затем, к ее великому удивлению, извлек из кармана небольшую коробочку, которую тут же вручил ей. Блейз не знала, как ей на это реагировать.

Никто из ее собеседников никогда не делал ничего подобного. Правда, ей несколько раз присылали подарки, что, впрочем, случалось редко. А вот искренняя дружба между Блейз и ее собеседниками возникала часто. С другой стороны, щедрый жест принца был вполне в его духе и стиле. Под его взглядом Блейз открыла коробочку: внутри оказался браслет от «Картье», усыпанный небольшими бриллиантами. Это был чрезвычайно щедрый подарок от красивого обаятельного мужчины. Блейз была искренне тронута и польщена.

– Спасибо вам за удивительно приятный вечер, – поблагодарил ее принц. – Я подумал, может, вы будете настолько любезны и отужинаете со мной? Что вы на это скажете?

Этого Блейз никак не ожидала, однако, имея авантюрную жилку, без колебаний приняла предложение. Было видно, что принц остался доволен. На часах была почти полночь, однако оба пребывали в приподнятом настроении.

На своем «Феррари» принц отвез Блейз в лучший в городе ресторан, «Рифлетс» Пьера Ганьяра. В обществе принца Блейз чувствовала себя легко и естественно, как рыба в воде. Какова бы ни была его репутация в том, что касалось женщин, принц был сама галантность – истинный джентльмен с безупречными манерами. Каждый месяц он подолгу бывал в Лондоне и Париже и нередко наезжал по делам в Нью-Йорк.

Блейз было интересно в его обществе. Как ей показалось, принцу тоже было с ней интересно. Она же была им заинтригована. Что-то подсказывало ей, что он стремится произвести на нее впечатление, однако его внутренняя суть оставалась умело спрятана. Впрочем, то, что лежало на поверхности, было в высшей степени приятно глазу. Блейз весь вечер не снимала подаренный им браслет, а позднее от души поблагодарила и за подарок, и за приятный вечер.

Принц в свою очередь любезно поблагодарил ее за интервью, от которого он, по его словам, получил немалое удовольствие. Блейз пообещала после выхода интервью в эфир прислать диск с записью, высказав при этом надежду, что оно ему понравится.

– Могу я позвонить вам, когда в следующий раз окажусь в Нью-Йорке? – вежливо поинтересовался Мохаммед-бин-Сабур.

– Буду рада вашему звонку, – с улыбкой ответила Блейз, усомнившись в том, что принц действительно ей позвонит. Ведь она не супермодель, не кинозвезда и не светская львица. Крайне сомнительно, что они вообще когда-либо станут друзьями.

С другой стороны, благодаря ему ее короткое пребывание в Дубае превратилось в настоящее приключение. Вернувшись к себе в номер, Блейз еще раз посмотрела на браслет. Она написала принцу открытку со словами искренней благодарности. Отослает ее ему завтра утром, накануне отлета. Принц оказался щедр, общителен и любезен, не говоря уже о том, что просто по-человечески интересен. Приезд Блейз в Дубай того стоил – это был стопроцентный успех, что, согласитесь, бывает не часто.

Она через Интернет послала Чарли отснятый материал. Через пару часов он позвонил ей сам.

– Боже, Блейз, что ты сотворила с этим парнем? Да он просто ел из твоих рук.

Интервью превзошло все его ожидания. Бин-Сабур, судя по всему, воспылал к ней страстью.

– Я бы так не сказала. Крайне сомнительно, что он был со мной искренним. Как ловко он ушел от вопроса про брата, да и от других тоже. Но в целом, да, интервью получилось замечательное.

– Выше всяческих похвал. Он не просто сидел перед тобой, отвечая на вопросы. Нет, ты вытягивала из него все нужное, как фокусник – бесконечный шелковый шарф из цилиндра. Дорогая моя, ты – молодчина.

– Спасибо, – поблагодарила Блейз, улынувшись комплименту. Чего уж там, интервью получилось классное. Ей самой не терпелось увидеть запись. – Он подарил мне браслет от «Картье», – не удержавшись, со смешком похвасталась она.

– Ты спала с ним, что ли? – В голосе Чарли слышался неподдельный ужас. Не хватало, чтобы Блейз вляпалась в какую-нибудь историю. Это не Америка, здесь за такие вещи можно в два счета угодить за решетку. Впрочем, Блейз слишком умна и знает, где провести черту.

– Конечно же, нет. Это был знак благодарности за интервью, когда оно закончилось. Он действительно очень даже мил и любитель приударить за женщиной. Я согласилась с ним поужинать. После чего вернулась к себе в отель.

– Закрой дверь на тот случай, если он вздумает наведаться к тебе ночью. Судя по записи, он положил на тебя глаз. Мужики не дарят браслеты просто так, что называется, за красивые глаза.

– Парни в Штатах считают, что имеют право затащить вас в постель, всего лишь угостив ужином. У меня хотя бы есть браслет с бриллиантами. Это будет покруче, – поддразнила собеседника Блейз. Она действительно осталась довольна интервью. С принцем ей было легко. Он заставил ее почувствовать себя молодой и желанной. У нее вот уже четыре года не было мужчины, после того как Эндрю Вейланд сделал все для того, чтобы она временами забывала о том, что она женщина.

– Будь осторожна, пока не уедешь оттуда. Не хочу вытаскивать тебя из тюрьмы, если ты нарушишь какие-нибудь их законы. И не хочу искать тебя по всему Эр-Рияду, если он умыкнет тебя.

– Не волнуйся. Сегодня вечером он признался на телекамеру, что у него три жены. К тому же я старше его на десяток лет.

– Да ты что! Вряд ли это его остановит – и его жены, и твой возраст. Кроме того, если я правильно помню, по их законам, жен можно иметь четыре или даже пять.

– Не беспокойся, Чарли. Завтра я буду дома. Кстати, интервью ему самому будет только на пользу. Теперь его имя прогремит в Штатах. От нашей встречи в выигрыше мы оба. Ну, а я в придачу ко всему получила в подарок браслет с бриллиантами. Скажем так, Дубай – мой самый большой успех.

– Давай-ка поскорее возвращайся домой. Я буду чувствовать себя спокойнее, когда увижу тебя в Нью-Йорке.

Кстати, и она сама тоже. Но побывать на Востоке тоже приятно, и, что немаловажно, она осталась довольна собой. Более того, интервью с интересными людьми – для нее всегда нечто большее, чем просто работа. Временами, когда она знала, что попала в точку, ей казалось, что это какая-то магия. Так все и было. Идеально. Совершенно.

До ее отъезда Мохаммед-бин-Сабур так и не позвонил. Оставив для него на стойке портье благодарственную открытку, – ее курьером отправят в его отель, – Блейз поспешила в аэропорт, чтобы успеть на рейс в Нью-Йорк. Она ощущала себя сказочной Золушкой после бала. Правда, с небольшой разницей – хрустального башмачка она не потеряла, зато уезжала домой с браслетом от «Картье» на руке. В самолете, стоило Блейз посмотреть на браслет, как ее лицо озарилось улыбкой.

Полет до Нью-Йорка занял четырнадцать с половиной часов. Прилетев домой, Блейз вернулась в свою квартиру, в которой отсутствовала три дня. Просмотрев на следующий день на работе обе записи, она осталась более чем довольна. Продюсеры тоже. Интервью получились выше всяческих похвал. Когда же Блейз встретилась с Чарли, тот по достоинству оценил подаренный принцем браслет.

– Готов спорить, он позвонит тебе, когда в следующий раз появится в Нью-Йорке.

– Сомневаюсь. Саудовские мужчины просто щедры на подарки. Поверь мне, для него это абсолютно ничего не значит. Так, пустячок.

– На десятилетие нашей свадьбы я подарил жене всего лишь кухонный комбайн, – признался Чарли, глядя ей в глаза. – Таких браслетов я ей не дарил.

Блейз рассмеялась:

– Вот поэтому я больше не замужем. Я сама в состоянии купить себе кухонный комбайн. Наверное, не следует дарить женам бытовые приборы после десяти лет брака.

– Она любит готовить, – смущенно попытался оправдаться Чарли.

Первый день после возвращения прошел гладко, но ближе к вечеру на Блейз навалилась усталость. Она легла спать в восемь часов и через пять минут погрузилась в сон. Однако в пять утра уже была на ногах. Рассвет она встретила, готовясь к тем интервью, которые состоятся на следующей неделе.

Она все еще думала о том, ехать ли ей в Калифорнию. Скорее всего, позже, сейчас момент был упущен. Патрик Олден по-прежнему находился в состоянии комы, и врачи сомневались, что он когда-либо из нее выйдет. Но если и выйдет, то будет ли его мозг нормально функционировать? Это была трагедия, но, увы, она уже не тянула на новостной сюжет. Печально.

В семь часов, сидя на кухне и читая в Интернете онлайн-версию газеты, Блейз подумала, а не навестить ли ей Салиму. Блейз ведь обещала приехать. Более того, ей искренне хотелось увидеть дочь.

Планов на выходные у нее не было, зато свободного времени более чем достаточно. Посмотрев на часы, Блейз решила отправиться в дорогу прямо сейчас. Она хорошо выспалась и была готова провести три часа за рулем. Ровно через три часа она будет в Спрингфилде, штат Массачусетс.

Она приедет туда к десяти утра и проведет с Салимой весь день. Домой, как обычно в таких случаях, Блейз вернется вечером. Рядом со школой была гостиница, где Блейз иногда

ночевала, приезжая к дочери. Однако она предпочитала возвращаться домой в тот же день и спать в собственной постели. Салима никогда не возражала. Они успевали так наговориться за день, что этого обеим хватало надолго. И матери, и дочери.

Блейз приняла душ, оделась, достала ключи из ящика письменного стола и, позвонив в гараж, попросила приготовить ее машину. Она пользовалась своим автомобилем лишь по выходным дням и летом, когда уезжала в Хэмптонс³. Чаще всего она пользовалась им для поездок к Салиме. Выходя из дома, Блейз предвкушала встречу с дочерью. Стоял прекрасный день, теплый и солнечный. Похоже, осень решила побаловать их, прежде чем начнутся дожди и слякоть.

Блейз любила это время года в Нью-Йорке. Ей не терпелось поскорее увидеть Салиму. Мысль о поездке вызывала радость. Шагая в гараж, Блейз чувствовала, как у нее поет сердце. Она вставила ключ зажигания и в следующий момент посмотрела на браслет – память об интервью в Дубае. Ей тотчас вспомнилось, что люди говорили о ней – мол, она ведет идеальную, совершенную жизнь. В кои-то веки Блейз была вынуждена согласиться. Жизнь действительно была прекрасна.

³ Хэмптонс – морской курорт на побережье Лонг-Айленда, состоящий из группы поселков в городах Саутхэмптон и Ист-Хэмптон. – *Прим. перев.*

Глава 3

Поездка до Спрингфилда прошла приятно. Когда через три часа после выезда из Нью-Йорка Блейз свернула с автострады, она чувствовала себя нисколько не уставшей и умиротворенной. Приезжая в эти края, она как будто переносилась в другой мир. Это и был другой мир, далекий от Нью-Йорка с его суматохой и стрессами. Здесь же для Блейз на первом месте была дочь и ничто другое.

Вдоль дороги к школе за окном машины проплывал знакомый пейзаж. Колдуэлл. Здесь Салима провела одиннадцать лет жизни. Блейз обратила внимание на недавно построенный дом, на отремонтированную церковь. Но в остальном здесь ничего не изменилось. Большая часть здешних домов была построена столетие назад. Вздохнув, Блейз свернула на подъездную дорожку, желая поскорее увидеть дочь.

Учащиеся школы жили в домиках по трое или четверо вместе с воспитателем, поскольку были моложе Салимы. Старшие жили в домиках по двое. Только у Салимы был домик на одну персону, правда, совсем крошечный. Блейз уговорила ее остаться в нем после окончания школы. Теперь она училась в местном колледже, куда ее каждый день отвозили на занятия⁴. На каникулы Салима приезжала домой, к матери. Блейз считала, что дочери удобнее жить в школе Колдуэлл. Салима не стала с ней спорить.

Перебираться в Нью-Йорк она не хотела, предпочитая жить в тишине сельской местности, ставшей на одиннадцать лет ее родным домом. Блейз надеялась, что Салима закончит колледж. Сейчас она училась на втором курсе, а сам колледж был очень маленьким, почти крошечным. Возможно, здесь не так интересно, зато тихо и безопасно.

Дочь мечтала учиться в Дартмуте, но это означало бы жизнь в общежитии. Учась в местном колледже, она продолжала жить в Колдуэлле, что было весьма удобно. Ей нравилось иметь свой домик. В школе она получала только отличные оценки, что, безусловно, будет большим плюсом, если она вдруг куда-то переведется. Благодаря упорству и усидчивости, она прекрасно окончила школу, где всегда считалась лучшей ученицей.

Блейз подъехала прямо к домику Салимы, расположенному в дальней части школьной территории. Летом здесь все было зелено, сейчас же деревья уже покрылись багряной осенней листвой. Блейз помогала школе деньгами, а несколько лет назад внесла свой вклад в устройство внушительного, «олимпийских» размеров плавательного бассейна.

Салима была отличной пловчихой. Все годы учебы в школе она состояла в сборной по плаванию, однако, перейдя в колледж, была вынуждена оставить этот вид спорта. Впрочем, ее до сих пор любили в школе, где она провела столько лет. Для младших школьников она была образцом для подражания, учителя души в ней не чаяли.

Эбби, воспитательница, жившая вместе с ней в доме, опекала ее вот уже пять лет. Неудивительно, что они стали настоящими подругами. Эбби было тридцать шесть, однако, живя в замкнутом мирке похожей на большую семью школы, она скорее походила на девочку-подростка, да и вела себя точно так же. Даже волосы она до сих пор заплетала в косички. И, самое главное, Эбби боготворила Салиму.

Остановив машину на небольшой стоянке, Блейз по ухоженной дорожке зашагала к домику. Подходя к двери, Блейз услышала голос дочери. Салима пела. Дверь была не заперта, и Блейз вошла внутрь. Салима стояла спиной к ней в самом центре гостиной и пела. Затем им с Эбби стало смешно, и Салима со смехом рухнула на диван. Она не услышала, что в комнату

⁴ Местный, или «общинный», колледж – двухгодичное среднее специальное учебное заведение, обучение в котором финансируется местными властями и рассчитано на удовлетворение местных нужд в специалистах средней квалификации. – *Прим. перев.*

кто-то вошел. Блейз сделала три шага по старым деревянным половицам прихожей. Салима моментально обернулась к двери.

– Мам? Это ты? – Она в любых местах угадывала шаги матери и всегда узнавала Блейз в ту же секунду, когда та входила в помещение. – Мам! – повторила Салима и бросилась через всю гостиную к прихожей. Блейз с улыбкой шагнула ей навстречу и обняла.

– Я так соскучилась по тебе. И вот взяла и приехала, – призналась Блейз, когда Салима, едва не сбив с ног, обняла ее в ответ. Эбби наблюдала за ними с теплой улыбкой. Блейз помахала ей свободной рукой. Салима, как всегда, выглядела настоящей красавицей. Люди говорили, что она – вылитая мать, даже ямочка на подбородке такая же, как и у Блейз. Единственным отличием были длинные темные волосы.

Салима повернулась к Блейз и потрогала ее лицо. И тотчас же нащупала слезы. Блейз всегда в первый момент плакала, навещая дочь.

– Ты плачешь! Неужели я стала уродливой после нашей последней встречи? – поддразнила она мать.

– Конечно! – подыграла ей Блейз и улыбнулась. – Стоит мне тебя увидеть, как я не могу унять слез.

– Какое счастье, что я этого не вижу, – картинно вздохнула Салима, продолжая шутку. Блейз обняла дочь за талию, и та крепче прижалась к ней. Они вместе плюхнулись на диван. Салима точно знала, что в каком месте находится в ее комнате. Каждая вещь здесь была ей хорошо знакома, и она без проблем перемещалась по дому. Салима была слепой.

В возрасте трех лет ей поставили диагноз: диабет первого типа. Это навсегда разбило сердце Блейз. Подумать только, у ее идеальной малышки детский диабет, который лечится лишь инсулином. Поначалу Салима заходила криком и плачем при каждой инъекции или же когда ей кололи пальчик, чтобы проверить уровень сахара в крови. В конечном итоге ей пришлось носить инсулиновую помпу, но даже при этом рядом с ребенком постоянно должен был находиться взрослый. Это устройство помогало поддерживать уровень сахара в крови, круглосуточно вводя через катетер нужное количество инсулина. Салима носила устройство на поясе юбки или джинсов. До сих пор никаких проблем с этим не возникало.

Заболевание сказалось на зрении очень рано, уже к шести годам. Врачи заверили Гарри и Блейз, что ребенок слишком мал, чтобы навсегда утратить зрение. Когда Салиме исполнилось семь, она еще могла частично видеть, затем сетчатка отслоилась, и в восемь девочка полностью ослепла. Ее пытались оставить дома, но Гарри жил в Лос-Анджелесе, Блейз же постоянно находилась в разъездах. К разного рода няням доверия у нее не было. Вряд ли посторонние люди способны обеспечить за ее дочерью нормальный уход.

Перед Блейз встал выбор: или отказаться от карьеры, или поместить дочь в специальную школу для слепых детей, где ей будут обеспечены постоянный присмотр и уход. Диабет требовал постоянного контроля за уровнем сахара в крови. В школе же был хороший медицинский персонал.

И Блейз решила рискнуть и отдать туда дочь на полгода. В Колдуэлле Салиме понравилось с первой же минуты, едва она перешагнула порог школы. Там она почувствовала себя как дома: здесь учились такие же дети, как она. Она больше не ощущала себя непохожей на других, теперь рядом с ней всегда были подруги, с которыми можно было играть, когда захочешь. Блейз смогла облегченно вздохнуть, зная, что в школе ее дочь окружена вниманием и заботой.

Блейз продолжала работать, и через полгода стало ясно, что Колдуэлл – лучшее для Салимы место. Можно сказать, идеальное. И она осталась там на одиннадцать лет. По окончании школы, поступив в колледж, она осталась жить в своем домике, на территории любимого Колдуэлла. Она не представляла себе, как можно жить где-то еще. Временами Блейз испытывала чувство вины за то, что дочь растет вдали от больших городов, однако Салима искренне

радовалась своему существованию в сельской местности. У Блейз же не хватило духу перевести ее в Нью-Йорк. Пусть лучше все останется так, как есть. Не стоит рисковать.

Да и Эбби вряд ли смогла бы переехать туда вместе с ней. Ее мать уже много лет болела и нуждалась в постоянном уходе. В результате Салима осталась жить там, где жила все предшествующие одиннадцать лет. Эбби каждое утро провожала ее в колледж. Блейз купила для этого машину, и Салима была вольна ездить куда угодно. От нее больше не требовалось подчиняться распорядку жизни школьников. Большинство учителей были с ней в дружеских отношениях. Что касается Эбби, то та относилась к ней по-сестрински, если не сказать, по-матерински.

Эта их близость всегда вызывала у Блейз легкую досаду и легкие уколы ревности. Но, что греха таить, в некотором смысле Эбби действительно заменила Салиме мать, денно и нощно заботясь о своей подопечной. Блейз отлично понимала, что сама она не в состоянии это делать, даже если бы и не работала. Необходимость постоянно следить за состоянием здоровья дочери неизменно пугала ее.

– Чем это вы тут вдвоем занимались? – поинтересовалась Блейз, устраиваясь на диване рядом с Салимой. Дочь и ее воспитательница были неразлучны, как сиамские близнецы.

– Я учила Эбби петь гаммы, – рассмеялась в ответ Салима. Особой красотой Эбби не блистала. Лицо миловидное, но не более того. Сегодня Эбби была в джинсах и белом рыбацком свитере, который Блейз привезла ей из Ирландии. Салима – в дизайнерских джинсах и розовом свитере. И то и другое – недавний подарок матери. Обе выглядели как сестры, обе – намного моложе своего возраста. Салима смотрелась лет на пятнадцать, Эбби – чуть старше.

– Она безнадежна, – добавила Салима, имея в виду музыкальные способности своей компаньонки. – Она даже под дулом автомата не вытянет самую простенькую мелодию. Даже гаммы не может петь. Я проиграла ей пару записей музыки, которую мы изучали в колледже, музыки эпохи Возрождения, так она ее терпеть не может!

Все годы учебы в школе Салима пела в хоре, а по воскресеньям – в местной церкви.

– Эта твоя музыка жутко депрессивная, – с кислой улыбкой пожаловалась Эбби. Вид у нее при этом был виноватый.

– Я тоже так думаю, – согласилась с ней Блейз. – Разве ты не могла изучать что-то более позитивное? Например, рождественские песенки? Тогда мы могли бы тебе подпевать, по крайней мере я. Не знаю, от кого тебе передался музыкальный слух, но точно знаю, что не от меня, – с улыбкой добавила Блейз.

– В следующем семестре я собираюсь выбрать григорианские хоралы, – сообщила Салима, желая помучить своих собеседниц. Природа наградила ее божественным голосом. Салима пела при каждой возможности. У нее был лучший голос во всей школе, самый звонкий и чистый. Она легко, без усилий брала самые высокие ноты.

– Только попробуй петь эти свои хоралы, и я тотчас перееду в другой дом, – пригрозила ей Эбби. Впрочем, ей никто не поверил.

– Никуда ты не переедешь. Я – единственная, кто умеет заплетать тебе косы. Ты будешь похожа на чучело, если уедешь от меня, – пригрозила Салима. Все дружно рассмеялись.

Салима неплохо обходилась без посторонней помощи, особенно на знакомой территории. Каждый квадратный дюйм Колдуэлла и его окрестностей она знала как свои пять пальцев. Она могла без посторонней помощи пройти от здания к зданию, хотя Эбби всегда следовала за ней по пятам. Салима терпеть не могла белую трость для незрячих и никогда ею не пользовалась. Она привыкла во всем полагаться на Эбби.

Салима сразу, как только ослепла, отказалась от собаки-поводыря. Собак она не выносила и не желала их присутствия в доме. Да и зачем, если рядом есть Эбби. У себя в домике Салима чувствовала себя абсолютно уверенно, прекрасно зная расположение всех вещей.

– Может, сходим куда-нибудь перекусить? – предложила Блейз, но Салима, как обычно, отказалась, не желая покидать привычную территорию. Исключение составляли лишь занятия

в колледже, но тут у нее не было выбора. По этой же причине она не поехала учиться в Дартмут, несмотря на отличный аттестат. Она понимала: там ей будет гораздо труднее, тем более что Эбби не сможет поехать туда вместе с ней. А без Эбби Салиме никак. Она зависела от воспитательницы абсолютно во всем, что было одновременно и хорошо, и плохо. Блейз отлично понимала: если Эбби по какой-то причине оставит работу, для Салимы это будет катастрофа. Дочь без Эбби пропадет.

– Эбби пообещала испечь свои фирменные вафли, – совершенно по-детски сообщила Салима.

– Может, все-таки выберемся в ресторан? Например, в «Питерсонс»? – предложила новый вариант Блейз. Она была убеждена: дочери следует чаще выходить из дома, но Салима, похоже, не имела ни потребности, ни желания исследовать окружающий мир. Ей хватало стен своего домика.

– Я лучше поем здесь, – упрямо заявила Салима. Она жила в своего рода коконе, который соткала для нее мать. Эбби была счастлива находиться рядом с ней. Родом из этих мест, она никогда не уезжала далеко от дома. В Нью-Йорке она впервые в жизни побывала вместе с Салимой во время каникул. И сразу же почувствовала себя неуютно. Большой шумный город пугал ее. Салима даже была вынуждена взять на себя заботу о ней. Постепенно Эбби привыкла к Нью-Йорку, хотя на это ушло несколько лет. Но, даже приезжая туда, девушки редко выходили из квартиры.

Они смотрели фильмы на огромном экране домашнего кинотеатра. Вернее, смотрела Эбби, а Салима слушала и следила за сюжетом при помощи специального устройства, комментировавшего действие фильма. Салима обожала кино. Еду они заказывали с доставкой из ресторана. Блейз стоило немалых трудов вытащить Салиму и Эбби из дома, даже здесь, в Колдуэлле. Но что поделать? Главное, что Эбби безукоризненно заботится о ее дочери.

Эбби тщательно следила за уровнем сахара в крови, постоянно проверяла исправность инсулиновой помпы и делала для своей подопечной буквально все. Благодаря ее неустанной заботе, Салима выглядела прекрасно: неизменно ухоженная и опрятно одетая. Единственное, чего Эбби не умела, так это заплетать косы и петь. Салима безжалостно подтрунивала над ней по этой причине.

Через несколько минут Эбби пошла на кухню, где поставила на стол тарелку с горкой только что испеченных вафель.

– За это я прощаю тебе даже то, что ты не умеешь петь! – с набитым ртом заявила Салима. Вафли она поливала специальным кленовым сиропом для диабетиков. – Ты печешь фантастические вафли!

Эбби баловала ее самыми разными способами, коих было бесчисленное количество. У Блейз всякий раз щемило сердце. Эбби заменила Салиме мать, какой Блейз никогда не удавалось быть. А вот этой забавной женщине удалось.

Блейз обитала в другом, огромном мире, в котором она не любила рассказывать про дочь. Нет, она не делала секрета из того, что дочь у нее есть. О чем Блейз предпочитала не распространяться, так это о ее болезни и слепоте, держала Салиму как можно дальше от досужей прессы. Дочь была уязвимым местом Блейз, и она всячески пыталась оградить их обеих.

С нее довольно того, что у Салимы диабет и она слепа. В свое время это разбило сердце и ей самой, и Гарри. Тот так и не смог свыкнуться с этим ударом. Вместо того чтобы смириться с тем, что у него слепая дочь, и как-то с этим жить, он сбежал в буквальном смысле слова и почти не виделся с ней. Для него это, видите ли, слишком мучительно. Впрочем, он посылал ей поздравительные открытки на день рождения и поручал Блейз купить ей от него подарок на день рождения и на Рождество.

Он не знал, что ей нужно, особенно когда Салима была маленькой, да и слепота дочери смущала его. По этой причине он сам не покупал ей подарков, а поручал сделать это Блейз. Та

послушно выполняла его поручения. При этом она всегда говорила Салиме, что эти сказочные подарки ей сделал отец, – например, куклы, с которыми она обожала играть в детстве, хотя и не могла их видеть. Дочь была такой же, как и все остальные дети. Когда же Салима стала старше, ей стали нравиться другие вещи: диски с музыкальными записями, кожаные куртки. Когда ей исполнилось восемнадцать, Блейз купила парку с меховой опушкой, которую дочь с тех пор постоянно носила.

Увы, несмотря на всю его щедрость, отец почти не приезжал к ней. Это было главное разочарование ее жизни. Салима редко говорила об этом и, похоже, смирилась, но всякий раз, когда имя Гарри всплывало в разговорах, Блейз замечала, как это ранило дочь. Она тщетно пыталась объяснить это Гарри. Тот отвечал, что это выше его сил.

Отцовство давалось ему тяжело, не говоря уже о том, чтобы быть отцом незрячей дочери. Ему было легче сделать вид, что ее просто не существует.

– Чем ты хотела бы заняться? – спросила Салиму Блейз, пока Эбби ставила тарелки в посудомоечную машину, которую она им купила.

– Может, посмотрим фильм? У меня есть новые диски. – Больше всего на свете Салима любила мюзиклы. Такие шедевры, как «Энни», «Мамма Миа!», «Мэри Поппинс», «Звуки музыки», она «смотрела» уже сотню раз, подпевая звучащим в них песням.

– А не лучше ли подышать свежим воздухом? – предложила Блейз. – Фильм ты можешь посмотреть и без меня. Сегодня такой прекрасный день.

Буквально в каждый свой приезд Блейз сталкивалась с нежеланием дочери выходить из дома.

Салиму было невозможно вытащить из ее уютного гнездышка, даже если речь шла о короткой прогулке по территории школы. Она не любила выходить из дома без особой необходимости. Эбби шла у нее на поводу и нисколько не возражала, чтобы не огорчать свою подопечную. Салиме же нравилось безвылазно сидеть в своем домике. Она покидала его лишь затем, чтобы отправиться в колледж.

– Расскажи мне лучше о своей поездке, – попросила Салима, меняя тему разговора, чтобы избежать прогулки. Впрочем, ей действительно было интересно. Блейз поведала ей о двух последних интервью и о том, сколь интересными оказались оба ее собеседника. Рассказала про Дубай, про то, что видела там, и даже продемонстрировала Салиме браслет от «Картъе», для чего протянула руку, чтобы дочь пощупала подарок.

– Похоже, это очень дорогая вещь, – прокомментировала Салима. – Не иначе как ты ему понравилась.

– Нет, он просто очень щедрый. На Востоке так принято. Кстати, с чего ты взяла, что браслет дорогой? – полюбопытствовала заинтригованная Блейз.

– Он массивный, и на нем есть бриллианты. Такие вещи дешевыми не бывают.

– Верно, не бывают, – с улыбкой согласилась Блейз.

– Принц красивый?

Салима обожала слушать рассказы матери о ее путешествиях. Она была яркой поклонницей талантов тележурналистки Блейз Маккарти. В свою очередь Блейз не уставала восхищаться дочерью. Салима с самого раннего детства была незаурядным ребенком. Блейз сильно переживала из-за равнодушия Гарри. Впрочем, и она сама проводила с дочерью слишком мало времени. А ведь время идет, и упущенного не наверстать.

– Он очень красив и необычайно умен, – ответила Блейз, описывая саудовского принца.

– И ты ему понравилась, мам? – поддразнила ее Салима, главным образом, из-за браслета. Но она точно знала, что ее мать красавица. Так говорили все.

– Нет, я лет на десять-двенадцать старше и не могу быть предметом его интереса. И вообще, у него три жены. Для меня это слишком много.

Салима была в курсе ее романа с Эндрю Вейландом. Знала о том, чем этот роман обернулся и почему. Она встречалась с Вейландом, и он ей понравился. Не понравилось другое – то, как резко оборвались его отношения с ее матерью и как бесчестно он себя повел. В то время Салиме было четырнадцать. Несколько месяцев, если не целый год, голос матери звучал так печально, что сердце Салимы разрывалось от жалости.

У самой Салимы в школе было несколько увлечений, но теперь все мальчишки были для нее слишком юны и не способны на серьезное чувство. Поступив в колледж, она ни с кем там не познакомилась. Все свое время она проводила с Эбби. Они либо ехали в школу или из школы, либо сидели дома.

Салима была страшно застенчивой. Со зрячими людьми она стеснялась того, что слепа. К тому же единственные зрячие люди, с которыми она раньше имела дело, были взрослые, ее учителя, а не дети. Это был главный недостаток школы для слепых. Салима не имела представления о том, как вести себя с другими зрячими людьми. Все ее одноклассники были лишены зрения. Последние одиннадцать лет, с тех пор как ее в восемь лет отдали в школу-интернат, это был весь круг ее общения.

Блейз всегда была убеждена, что дочери там лучше. Однако годы шли, а Салима все хуже и хуже представляла себе, что такое окружающий мир. Нью-Йорк был бы для нее теперь настоящими каменными джунглями – куда более страшными, чем то была готова признать Блейз. В Колдуэлле же она была в безопасности. И Салима ни разу не попросилась домой. Стены школы она покидала лишь в том случае, когда выбора у нее не было, например когда та закрывалась на каникулы.

Не без усилий, но Блейз убедил-таки дочь отправиться на прогулку. Блейз рассказывала дочери, как красиво смотрятся деревья с их роскошной желтой и багряной листвой. Салима взяла мать под руку. Эбби молча шла следом за ними. Она находилась рядом на всякий случай, если вдруг понадобится ее помощь, но не хотела быть навязчивой. Она вообще была деликатной. Блейз нравилось, что она всегда рядом.

Блейз никогда не оставалась с дочерью наедине, и ее это устраивало. Случись что с Салимой, какую помощь Блейз сможет ей оказать, в отличие от Эбби? Все, что Блейз могла, – это рассказывать дочери о своей работе, о поездках в другие страны, смешить ее забавными историями. Они всегда радовались обществу друг друга. Увы, Блейз понимала: этого недостаточно, ее дочери нужно нечто большее.

Когда они вернулись с прогулки, Эбби приготовила им чай. Блейз засиделась с ними до вечера. Вскоре начало смеркаться. В шесть часов с ноткой сожаления в голосе Блейз заявила, что ей пора. Предстояла долгая дорога назад, в Нью-Йорк.

– Не хотите перед отъездом сэндвич? – с милой улыбкой предложила Эбби.

– Нет, спасибо, не надо. Мне пора. – Блейз ужасно не хотелось уезжать. Так бывало всегда. – Я скоро приеду снова, – пообещала она, обнимая Салиму. Та на минуту крепко прижалась к матери, наслаждаясь ее прикосновением и запахом. Салиме нравился аромат духов и шампуня Блейз. Дочь умела только по этим запахам догадаться о присутствии матери в комнате. Все чувства Салимы, кроме зрения, были обострены, особенно обоняние и слух.

– Я позвоню тебе на этой неделе, – пообещала Блейз, мысленно поклявшись, что так и будет. Она любила проводить время с дочерью и ненавидела обстоятельства, вынуждавшие их жить порознь. Салима была величайшим даром в ее жизни, независимо от того, как часто они виделись.

– Спасибо, что приехала, мам, – с улыбкой сказала Салима, проводив мать до порога. – Было здорово. Я каждый раз радуюсь, когда ты приезжаешь.

Салима действительно считала Блейз самой лучшей матерью в мире.

– Я жду не дождусь, когда ты приедешь ко мне на День благодарения, – с чувством ответила Блейз. – Я непременно достану билеты на какой-нибудь бродвейский мюзикл. Думаю, тебе понравится.

Разумеется, понравится. Они ходили на мюзиклы каждый раз, когда Салима приезжала в Нью-Йорк.

– Опера тоже подойдет... или концерт. Если будут играть Бетховена.

Салима уже была в предвкушении такой возможности. Единственным средством пробудить в ней искру интереса и выманить из стен дома всегда была музыка.

– Я узнаю, что там будет в программе.

– Следи за дорогой, – попросила Салима и еще раз обняла мать. – Будь осторожна.

– Обязательно.

Помахав ей рукой, Салима закрыла дверь. Не успела Блейз выйти из дома, как в комнате дочери заиграла музыка и зазвучал смех. Дочь и ее воспитательница радовались жизни. Им было хорошо вдвоем. Шагая к машине, Блейз неожиданно почувствовала себя одинокой. Как же повезло этой Эбби! Она всегда рядом с Салимой, и та искренне ее любит. Временами Блейз корила себя за то, что сделала неверный выбор. Впрочем, нет, выбор был верный, никакой ошибки не произошло. Она поступила правильно – и в отношении себя самой, и в отношении дочери. Блейз нужна работа, она – часть ее жизни, ее судьбы. Салима же была счастлива в школе, а теперь и в колледже. Такова жизнь. Выхав на шоссе, Блейз стряхнула со щеки предательскую слезинку.

Глава 4

Следующая неделя после поездки к Салиме прошла как обычно. Блейз готовила передачи, сделала ряд сюжетов и несколько комментариев и приступила к работе над двумя специальными репортажами, когда до нее дошел некий слух. Сначала она подумала, что это лишь досужий вымысел. Подобные вещи она слышала постоянно – то кого-то приняли или уволили, то перевели на новое место, то руководство проводит перестановки, но чаще всего это оказывалось лишь пустыми разговорами. Проработав много лет на телевидении, Блейз научилась спокойно воспринимать подобную болтовню, не паниковать и не делать поспешных шагов. Телевидение – это сущая фабрика слухов.

Первым, от кого она услышала об этом, был Чарли. По его словам, на их канале появилась некая новая особа. Ее пригласили из филиала в Майами, а до этого она была фотомodelью. Еще он сказал, что это потрясающая красотка двадцати девяти лет. Следующим, от кого Блейз узнала о том же, был Марк.

Предполагалось, что новая барышня будет какое-то время вести по выходным новостной блок. Именно там обычно обкатывали новичков, пробуя на экране новые лица. Вскоре Блейз увидела «находку» своими глазами – ее представили на совещании. Что же, она и впрямь была хороша, как и говорил Чарли: высокая, хорошо сложенная блондинка с внушительной силиконовой грудью, тонюсенькой талией и смазливый личиком. И, похоже, отнюдь не дура. Окончила Брауновский университет, а также имела степень магистра в области журналистики от Колумбийского университета⁵.

Когда они расходились после совещания, новая девушка с чуть испуганным видом подошла к Блейз.

– Я всегда хотела познакомиться с вами, – произнесла девица с наигранным придыханием. Блейз с трудом представляла себе такую манеру у ведущего новостей. Голос был явно неудачным, отчего новенькая казалась гораздо глупее, нежели была на самом деле. Впрочем, яркая внешность компенсировала этот недостаток. Казалось, ничего не ускользало от ее взгляда. У Блейз возникло подозрение, что Сьюзи Квентин метит на ее место.

Нюх не подводил – Блейз не первый год на телевидении и прекрасно знает, как это делается. Когда-то, двадцать пять лет назад, она сама выступила в той же роли: приехала из Сан-Франциско и заняла чье-то место, – место той, кого мир уже давно забыл, да и она сама тоже. Она даже не могла припомнить имени той женщины, несколько лет проработавшей на месте, которое вскоре заняла она. Впрочем, в лице Блейз руководство телеканала получило нечто большее, нежели ожидало.

Она стала звездой телеканала. Во всей стране не было такого дома, где не знали бы Блейз Маккарти. Все ее коллеги и в Нью-Йорке, и в филиалах, во всех городах, хотели бы стать такой, как она. Вот и Сьюзи Квентин приехала из Майами для того же. Она хотела стать новой Блейз Маккарти. Их взгляды встретились, и Блейз поняла: ее ждут неприятности, и немалые.

Такое случалось и раньше. Руководство телеканала вот уже много лет приглашало новых ведущих – «разогреть» перед стартом, приготовить на роль новой «звезды». Как правило, эти попытки оборачивались провалом. Но Блейз знала: в один прекрасный день появится кто-то, кто окажется умнее, красивее, привлекательнее или энергичнее, чем она, и ей неизбежно придется уступить свое место.

Но пока она к этому не готова. Она находится на вершине успеха. Ее спецвыпуски становятся все лучше и лучше, ее авторские передачи – все злободневнее, ее рейтинги – все ста-

⁵ Брауновский университет – один из наиболее престижных частных университетов США, расположенный в г. Провиденсе, штат Род-Айленд. – *Прим. перев.*

бильнее. И вот теперь взяли эту новую фифу. Блейз не сомневалась: руководство дышит ей в затылок.

– Когда я училась в школе, вы были моим кумиром, образцом для подражания, – призналась Сьюзи. У Блейз все похолодело внутри. Сьюзи Кью, как называли эту особу за глаза, заставила ее почувствовать себя едва ли не девяностолетней старухой.

– Приятно слышать. Добро пожаловать в Нью-Йорк, – ответила Блейз, тщательно пытаюсь скрыть досаду. В конце концов, она – звезда номер один телеканала, и ей нечего опасаться. Увы, себя не обманешь. На такой работе всегда нужно держать ухо востро.

– Я приехала на прошлой неделе, – пояснила Сьюзи. – Знаете, я в полном восторге от вашего канала. Мне даже разрешили пожить на служебной квартире, пока я не подыщу себе жилье.

Еще одна скверная новость. Обычно в служебную квартиру никого просто так не селят. По крайней мере, пока не знают, что новичок стопроцентно перспективный.

Начальство явно сделало ставку на Сьюзи Квентин в расчете на то, что финансовые вложения многократно окупятся. Пока Блейз шагала к себе в кабинет, ей казалось, что сердце ушло куда-то в пятки, а вот желудок норовил вырваться на свободу.

Марк сначала ничего не говорил ей, но потом решился. Пусть лучше Блейз узнает правду от него, чем от кого-то еще.

– Этой самой Сьюзи Кью поручили поработать над сюжетом о бездомных, – сообщил он Блейз. Это была серьезная тема, из числа тех, которые обычно доверяли только ей, Блейз Маккарти.

– Спасибо за подсказку, – ответила Блейз. Она не стала развивать тему и вернулась к работе над бумагами. Ей не нужно было объяснять, что это значит. Отныне придется работать в сто раз больше и напряженнее, задерживаться на работе дольше, проявлять больше изобретательности, если она хочет удержать рейтинги на заоблачных высотах. Они и так были высоки, однако отныне их нельзя снижать ни на йоту. Теперь ей придется нелегко.

Блейз была близка к панике, хотя старалась не показывать вида. Она даже начала посещать после работы спортивный зал, чтобы успокоиться. Она позвонила своему тренеру по фитнесу и массажисту и договорилась о встрече. И каждый вечер засиживалась на работе допоздна, придумывая новые сюжеты, генерируя новые идеи. У нее мелькнула мысль – неужели они взяли Сьюзи лишь затем, чтобы заставить ее шевелиться, работать больше и энергичнее? Увы, увидев Сьюзи, Блейз поняла, что это не так.

Сьюзи явно готовили для чего-то другого, крупномасштабного. Что пока получалось плохо. На это уйдет как минимум год, но Сьюзи уже приступила к выполнению своей задачи. Словно ракета с тепловой головкой наведения, она нацелилась на место Блейз Маккарти. Такого стресса Блейз не испытывала вот уже много лет. Следующие две недели она сосредоточилась исключительно на работе, забыв обо всем на свете. Теперь у нее нет права на ошибку.

Несмотря на плотный график работы, она несколько раз звонила Салиме – узнать, как у нее дела. Блейз не стала рассказывать дочери про то, что происходит на телеканале. Но через неделю после появления Сьюзи Квентин ей из Лос-Анджелеса позвонил Эндрю Вейланд. До него тоже дошли эти слухи. В своем типично лицемерном стиле он заявил Блейз, что тревожится за нее. Мол, он отлично представляет себе, каких нервов ей все это стоит. Блейз не строила иллюзий относительно его звонка. Вейландом двигало самое банальное злорадство. Он все еще злился на Блейз за то, что она порвала с ним, когда узнала, что он водил ее за нос своим мнимым разводом. Его карьера в Лос-Анджелесе не слишком задалась, а рейтинги неумолимо сползали вниз.

– Не бери в голову, – уговаривал он ее, пытаясь подпустить в голос искренней заботы, однако Блейз не обманешь. Слишком хорошо она его знала. – Ей до тебя далеко. Другой такой, как ты, просто нет.

Блейз позволила себе усомниться. Придет день, и кто-то благополучно займет ее место. Сочувствие Вейланда прозвучало фальшиво.

– Все может быть. Не будем торопить события, – уклончиво ответила Блейз. – Как там жизнь в Лос-Анджелесе? Каждый день ходишь на пляж?

Вейланд перебрался в Малибу, в роскошный дом, который Блейз видела на снимках в каком-то журнале, где он вместе с женой горделиво позировал на фоне бассейна. С той самой женой, с которой он обещал якобы развестись, даже после того, как Блейз его оставила.

Очередная ложь, в которую она когда-то поверила. В одинаковых белых рубашках и джинсах, Вейланды смотрелись счастливой семейной парой. Эндрю обнимал жену за плечи, и они радостно улыбались в объектив: довольные жизнью калифорнийцы, которых снимают для журнального разворота. Даже после расставания с Вейландом Блейз было неприятно видеть эту статью, и она, естественно, расстроилась. Его звонок лишь усугубил и без того скверное настроение. Впрочем, Блейз всегда отвечала на его звонки, хотя и не понимала почему.

Возможно, потому, что в последние годы ей порой было не с кем поговорить. Они же с Вейландом хорошо знали друг друга, и это все-таки что-то значило. Слабое оправдание, однако, единственное, которое у нее было. Вейланд был редкий мастер ранить ее чувства, даже когда изображал заботу и сочувствие. Впрочем, порой он бывал искренним, что ничуть не лучше. Это заставляло Блейз скучать по нему, по тем светлым дням, когда они были вместе, когда она даже не подозревала о его лжи, таким сладкоречивым и убедительным он был. Теперь же она не верила ни единому его слову.

– Неплохо бы пообедать вместе, ради нашего доброго прошлого. Кстати, я через пару недель приезжаю в Нью-Йорк, – медоточивым голосом сказал Вейланд. Этаким змей-искуситель из райского сада.

– Да, может быть, – уклончиво ответила Блейз, точно зная, что этого никогда не будет. У нее не было ни малейшего желания истязать себя до такой степени. Сейчас она лишь отвечала на его звонки, но вот видеться с ним – боже упаси! Она уже год не видела Вейланда и не имела намерения встречаться с ним снова.

Она поставила себе целью полностью прекратить любые контакты с ним – и по телефону, и через Интернет, что пока получалось плохо.

– Меня ждет работа. Спасибо, что позвонил.

За что она благодарит его? За что? За то, что он снова ее расстроил? Напугал приходом соперницы в лице Сьюзи? Заставил вновь усомниться в себе? Напомнил о том, какой он лжец, какую боль ей причинил?

После их разрыва Блейз в течение года ощущала себя собакой, сбитой автомобилем. Ее чувства к мужчинам как будто атрофировались. Она не могла слушать их, не сомневаясь при этом в их искренности. Каждый был в ее глазах потенциальным лжецом – тяжкое наследие отношений с Вейландом, от которого ей, похоже, никогда не избавиться. Она с трудом представляла себе, как можно верить мужчинам. Да и вообще, зачем ей это?

В ее жизни больше не осталось места для любви. С появлением же Сьюзи Кью любовь вообще отодвинулась в сознании Блейз на самые задворки. Единственное, чего ей хотелось, – это спасти свою шкуру. Тем более что слухи множились с безумной скоростью. Сьюзи якобы новое Золотое Дитя руководства телеканала. Начальство почему-то уверовало в ее талант, хотя его, по большому счету, еще предстояло доказать. Причин такой слепой веры было две: молодость Сьюзи и яркая внешность.

Через две недели после ее появления на телеканале Блейз работала над одним сюжетом, когда неожиданно зазвонил телефон. Марк отсутствовал, у него был обеденный перерыв. Трубку взяла сама Блейз. На другом конце линии послышались невнятные рыдания. Было непонятно, кто это и кому, собственно, адресован звонок.

– Алло?! Кто это? – растерянно спросила Блейз. – Извините... вы слышите меня?

Из трубки донесся знакомый крик. Блейз не слышала его вот уже много лет. Салима. Так она кричала в детстве, когда начала терять зрение и ей стало страшно. Сердце Блейз застучало как бешеное.

– Салима!.. Говори... Это ты?

И вновь рыдания в трубке, после чего Салима невнятно заговорила. Вникнуть в смысл ее слов было трудно. Что-то про Эбби, но Блейз ничего не понимала.

– Девочка моя, говори... медленнее... Что случилось?

Предчувствуя что-то нехорошее, Блейз решила, что Эбби уволилась или ее уволили. И теперь у Салимы истерика. Другой причины Блейз представить не могла. Если Эбби уволили, руководство Колдуэлла можно заставить вернуть ее обратно. Блейз употребит для этого все свое влияние. Такие вещи делаются. Легко.

– Ты где? – спросила она дочь, гадая, там ли еще Эбби. Что там такое могло случиться? Неужели они поссорились?

– Я дома, – ответила дочь с явным страданием в голосе. Это было первое внятное слово за весь разговор.

– Где Эбби?

Вместо ответа Салима вновь разрыдалась. Заговорила она лишь спустя несколько минут. Блейз тем временем советовала ей дышать глубже, чтобы успокоиться.

– Она... она... заболела... Проснулась сегодня утром с высокой... температурой... Я позвонила миссис Гарнер и попросила прислать медсестру. Та позвонила доктору, и Эбби отвезли в больницу... Меня не пустили к ней.

– Милая, с ней все будет в порядке, – попыталась утешить ее Блейз, однако Салима расплакалась снова. – Возможно, это какая-то опасная форма гриппа и они не хотят, чтобы ты заразилась.

– Они сказали... что у нее менингит. Я позвонила в больницу, но мне не разрешили даже поговорить с ней. Сказали, что она уснула. Я так и не попрощалась с ней, мам.

В голосе дочери прозвучала такая мука, что по спине Блейз пробежали мурашки.

– Зачем тебе прощаться с ней? – испуганно спросила она.

– Она умерла, – ответила Салима и вновь разрыдалась рыданиями.

Блейз, не веря своим ушам, крепче сжала трубку. Эбби умерла за считанные часы. Такое случается при менингите, хотя подобное с трудом укладывается в голове. Блейз посмотрела на часы. Она знала, как ей следует поступить.

– Жди меня. Я приеду к тебе. Через несколько минут я уйду с работы. Держись, детка. Я знаю, это ужасно, не просто ужасно, это невыносимо. Буду у тебя через три часа.

Ей не сразу удалось убедить Салиму перестать плакать и положить трубку. Затем она позвонила Чарли. Сообщила ему, что у нее домашние неприятности и ей нужно срочно уехать. Ощущая застрявший в горле комок, Блейз добавила, что завтра не сможет выйти в эфир.

– Понимаю, что предупредить надо заранее, но так получилось.

– Что случилось? С дочерью все в порядке?

В голосе Чарли прозвучала искренняя озабоченность. Не в привычках Блейз без уважительных причин уходить с работы и тем более пропускать эфир.

– Умерла женщина, которая присматривала за Салимой. Моя дочь в истерике. Она любила ее больше, чем меня. – Блейз произнесла эту фразу без всякой неприязни. Кроме Марка, Чарли был единственным на телеканале, кто знал, что ее дочь слепа и больна диабетом.

– Поезжай, – просто ответил Чарли. – Позвони мне вечером и сообщи, когда вернешься.

– Боюсь, я задержусь там на несколько дней, – честно призналась Блейз. – Дочь очень сильно переживает. И еще, Чарли, – задумчиво добавила она. – Пожалуйста, не ставь Сьюзи Кью вместо меня в утреннем эфире.

Блейз как никто другой знала: ей не время исчезать с экрана. Не хватало, чтобы эта нахалка Сьюзи воспользовалась ее отсутствием. Пусть даже не мечтает!

– Не волнуйся. Этого не произойдет. – Чарли нравилось работать с Блейз. Вместе они составляли замечательную команду. – Просто расслабься и займись дочерью.

– Спасибо, – поблагодарила Блейз и отключилась. Затем позвонила в школу и попросила позвать директора, дабы убедиться, что Салима не одна, что рядом с ней кто-то будет, кто попытается ее утешить, пока Блейз будет в дороге. Директор рассказал, как все произошло.

– Нам самим с трудом верится. Она буквально сгорела за каких-то четыре часа. Еще вчера она чувствовала себя нормально. Говорят, при менингите такое бывает. Сейчас мы опасаемся, как бы не случилось эпидемии.

В голосе директора звучала паника. Блейз стало страшно за дочь.

– Что вы намерены делать? – упавшим голосом спросила Блейз. Теперь она по-настоящему беспокоилась за дочь, ведь та была в контакте с умершей. Что, если Салима заразилась от Эбби и тоже умрет? От этой мысли Блейз сделалось не по себе. Салима была единственным существом на свете, которое она любит. Блейз кое-что знала о бактериальном менингите, от которого умерла Эбби. Например, что инфекция эта передается от заболевшего другим людям при кашле и чихании.

– Пока не знаю. Давайте поговорим об этом, когда вы приедете. У меня через час встреча с представителем комитета здравоохранения.

Он только что вернулся от матери Эбби, которой сообщил о смерти дочери. Это был кошмарный день для всей школы, но тяжелее всего пришлось бедняжке Салиме.

– Я постараюсь приехать как можно быстрее.

Блейз повторила ему то, что недавно сказала Салиме, после чего вышла за дверь. В коридоре ей повстречался Марк. Блейз сообщила ему, куда отправляется и почему.

– О боже! – Это было единственное, что сказал Марк. Услышанное потрясло его. – Я могу чем-то помочь?

Блейз покачала головой. Через несколько секунд она уже была в лифте. Еще минута, и она вышла на улицу. Талли ждал ее у входа в телестудию. Блейз попросила отвезти ее домой, где она забросила в дорожную сумку какую-то одежду. Затем он довез Блейз до гаража и помог положить сумку в багажник.

– Вам надо успокоиться, прежде чем вы сядете за руль, – строго произнес Талли. – Иначе вы рискуете разбиться.

– Со мной все в порядке, – ответила Блейз, что было крайне сомнительно. Через три минуты она уже выехала на дорогу, двигаясь в потоке транспорта на север, в направлении Ист-Ривер.

Блейз всю дорогу гнала машину на максимальной скорости. Она была готова к тому, что ее остановит дорожная полиция, но, к счастью, этого не случилось. В Колдуэлле Блейз была уже через два с половиной часа. Она подкатила прямо к дому дочери, где застала Салиму в безутешных рыданиях. Блейз обняла дочь и крепко прижала к себе, пытаясь успокоить. Это было единственное, что она могла для нее сделать.

Блейз не находила слов, да и сказать ей было нечего, ведь Эбби уже не вернешь. Салима плакала так горько, будто весь мир рухнул и никогда не будет прежним. Наконец Блейз удалось уложить дочь в постель. Кстати, с Салимой уже была другая женщина-воспитатель, которую Блейз несколько раз видела, но толком не знала. Когда Салима уснула, Блейз оставила дочь на ее попечение, а сама отправилась к Эрику, директору школы, в главный корпус, в котором тот жил. Когда Эрик вышел навстречу, его было не узнать. Явно, что он тоже недавно плакал.

– Мы закрываем школу. Завтра, – скупое сообщил он каким-то зловещим тоном, чем немало удивил Блейз. Та вопросительно посмотрела на него.

– Насовсем?

Эрик отрицательно покачал головой. Он явно не находил слов.

– Комитет здравоохранения рекомендует закрыть школу на два-три месяца, в зависимости от того, будут еще заболевшие или нет. Мы вынуждены отправить всех по домам. Здесь оставаться опасно. Мы все были в контакте с Эбби. Час назад мы известили родителей. Несколько человек уже забрали своих детей. Ожидая, что сегодня вечером заберут еще нескольких. Остальные уедут утром. Наша главная задача – избежать эпидемии.

– Что же будет с детьми? – дрожащим голосом спросила Блейз.

– Мы отправим вместе с ними воспитателей. Но у меня проблема, Блейз, – произнес Эрик, не сводя с нее пристального взгляда. Он всегда был честен с ней, по крайней мере последние одиннадцать лет, и она считала его своим другом. – Нет никого, кто смог бы сопроводить Салиму. Во всяком случае, свободных женщин нет. Они все замужем, у них есть дети, они живут по соседству со школой, и в Нью-Йорк ни за что не поедут. Я уже говорил с ними.

– А как же Лара, которая сейчас с Салимой?

– У нее муж и двое детей. Она никуда не поедет. Да она никогда и не жила вместе с нашими учениками, всегда возвращалась на ночь домой.

Так вот почему Блейз редко видела ее и даже не сразу узнала. Лара не работала по выходным.

– Есть у меня одна отличная кандидатура. Но это не женщина. Мужчина. Замечательный человек.

От этих слова Блейз пришла в ужас.

– Я не могу поселить у себя мужчину. Я все время в разъездах. Как он будет одевать и раздевать Салиму перед сном? А если ей нужно будет принять ванну? Нет-нет, я никак не могу допустить такое!

– Тогда сами придумайте что-нибудь. Это все, что я вам могу предложить, – честно признался директор школы. – Он – наш лучший педагог. Я бы отправил его с Тимми Дженкинсом, но родители переводят Тимми в другую школу, в Чикаго, поближе к дому. Они уже давно планировали перевести его туда. Что значит, Саймон теперь свободен. Я спрашивал его, и он сказал, что готов переехать в Нью-Йорк.

– Нет, я не могу взять мужчину, – продолжала упираться Блейз. – Вы должны найти мне кого-нибудь другого. Мужчина мне не подходит.

Она была в отчаянии. Эрик непременно должен ей помочь.

– Это все, что у меня есть. – Директор школы с несчастными видом посмотрел на нее. – Или он, или никто. Неужели у вас самой нет на примете женщины, которая могла бы присматривать за Салимой? Горничная, экономка или кто-то в этом роде?

– У меня есть экономка. Она в дневные часы приходит помочь по хозяйству, но в квартире она не живет. Я провожу в разъездах примерно половину своего времени. Салиме придется нелегко.

– Нам всем нелегко, ведь мы вынуждены закрыть школу. Для этого каждому придется чем-то жертвовать. Когда вы забираете Салиму? Если хотите, можете уехать сегодня вечером.

– Она сейчас спит. Мы уедем завтра утром. Кстати, когда похороны Эбби? – спросила Блейз. Она никогда не встречалась с матерью Эбби, но понимала, какой это удар для нее – вот так неожиданно-негаданно потерять дочь.

– Послезавтра, – мрачно ответил Эрик. Для него это был самый черный день в истории школы.

– Тогда я ради Салимы останусь на похороны, – тихо сказала Блейз. – Она наверняка захочет проводить Эбби в последний путь. Мы переночуем в гостинице.

– Я скажу Саймону, чтобы утром он был готов, – с озабоченным видом произнес Эрик.хлопот у него был полон рот. Нужно было отправить по домам пятьдесят учащихся вместе с воспитателями и закрыть школу.

– Могу я хотя бы взглянуть, кто он такой? – скептически поинтересовалась Блейз.

– Разумеется. Он будет в моем кабинете завтра утром, в девять часов. Думаю, они с Салимой найдут общий язык. Саймон – отличный педагог, в чем-то даже лучше Эбби, хотя ее я тоже любил. У него прекрасная подготовка и настоящий педагогический талант. Он учился в Гарварде. Имеет два магистерских диплома, педагога-дефектолога и психолога. Он у нас работает столько же, сколько и Эбби. Я доверяю ему на все сто.

– Он – мужчина, – с несчастным видом произнесла Блейз. Выйдя из директорского кабинета, она вернулась к Салиме. Та все еще спала. Лара в спальном мешке устроилась рядом на диване. Она наотрез отказалась воспользоваться спальней Эбби и сильно нервничала из-за того, что вынуждена ночевать здесь. Блейз решила, что будет спать вместе с дочерью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.